

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Иркутск, 21 октября 2022 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОФИЛАКТИКИ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Иркутск, 21 октября 2022 года

Текстовое электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2023

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2023
ISBN 978-5-7253-3126-4

УДК 316.6
ББК 60.524.226

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:

доц. Е. В. Зими́на (науч. ред.), доц. Т. Г. Бахматова,
ст. преп. А. И. Гуляева, доц. Е. Г. Воронцова (отв. секр.).

Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 21 окт. 2022 г. — Иркутск : Изд. дом БГУ, 2023. — 108 с. — URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. — Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3126-4.

Представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов», проводившейся в рамках Всероссийского фестиваля НАУКА 0+ и посвященной теоретическим и прикладным вопросам конфликтологии и современной практике разрешения сложных конфликтных взаимодействий.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся вопросами профилактики и разрешения конфликтов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:

Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51, Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые); средства просмотра файлов Portable Documents Format: Adobe Acrobat версии 7.0, Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1 (или более новые), Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.

Доступ к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Издается в авторской редакции.

Подписано к использованию 20.03.2023.

Объем 1,8 Мб.

Байкальский государственный университет.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<http://bgu.ru>.

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел 1. Теоретический и практический опыт конфликто разрешения в области социально-педагогической деятельности и социальной работы	7
<i>Осьмук Л. А., Мозговая Т. П.</i> Готовность специалистов системы профилактики детской делинквентности к использованию «восстановительных» технологий	7
<i>Валуикова В. Е.</i> Конфликтность личности в условиях современного общества	14
<i>Никулина Т. И., Бочило М. Г., Дичина Н. Ю., Старкова А. П.</i> Научно-практическая деятельность как форма развития конфликтной компетентности студента	21
<i>Панчук Е. Ю.</i> Основные причины организационных конфликтов в банковской сфере	28
<i>Мозговая Т. П., Притула Д. А.</i> Конкурс юных медиаторов как инструмент развития школьных служб примирения: опыт Новосибирской области	33
<i>Боровских С. М.</i> Внутриличностные конфликты: проявления и преодоление	39
<i>Картикова И. С., Артамонова В. В.</i> Особенности проявлений конфликтного поведения в подростковом возрасте и возможности его профилактики	44
Раздел 2. Концептуальные основы развития конфликтологических компетенций в организации индивидуальной профессиональной работы с обучающимися, склонными к деструктивному поведению	49
<i>Галстян М. Н., Никулина Т. И., Терпугова Ж. А.</i> Взаимосвязь профессионально важных качеств и профессиогенеза практических психологов	49
<i>Овчинникова Т. М.</i> Эскалация межэтнического конфликта: теория и практика управления	56
Раздел 3. Методы и технологии комплексного сопровождения личности «группы риска» на межведомственной основе	64
<i>Сидорова Е. З.</i> О противодействии экстремизму и терроризму в образовательной среде на современном этапе	64
<i>Трофимова Е. Л., Прейдис М. А.</i> Особенности взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях	70
<i>Квитко А. О.</i> Внутриличностный конфликт подростков с интернет-зависимостью	77
Раздел 4. Социально-педагогические и социально-психологические формы и методы организации психокоррекционной работы в профилактике рискованного поведения	82
<i>Жигунова Г. В., Афонькина Ю. А.</i> Социально-психологические факторы отношения жителей Евро-Арктических территорий России к «нетипичному» ребенку	82

Раздел 5. Актуальные проблемы профессиональной подготовки специалистов, готовых к организации межведомственного взаимодействия в области социальной работы, сферы образования, культуры, политики, бизнеса и управления в целях поддержки социально уязвимых категорий населения и профилактики конфликтного взаимодействия	89
<i>Зимина Д. М.</i> Реклама как фактор конфликтности	89
<i>Дацюк Е. Д.</i> Взаимосвязь уровня доверия к интернет-СМИ с социально-политическими позициями молодежи	94
Раздел 6. Совершенствование инновационных технологий в профилактике и разрешении конфликтного взаимодействия в образовательной и социальной сфере	99
<i>Кайгородов Б. В.</i> Рефлексия как способ управления конфликтами.....	99
<i>Рюмкина Ю. О.</i> Взаимосвязь мотивации власти и жизненных смыслов современной молодежи	104

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конференции в молодежной среде выступают эффективной формой совершенствования образовательного процесса в студенческой научной среде высших образовательных учреждений, а также значимым видом взаимодействия молодого и опытного поколения науки. Участие в конференциях не только позволяет участникам углубить знания причин, факторов, способов преодоления конфликтов, но и способствует формированию и развитию у обучающихся профессионально значимых психологических и конфликтологических компетенций.

В современной действительности как никогда актуальны проблемы различных отраслей психологии, в частности конфликтологии. Проведение новых научных изысканий, методических разработок и открытий как в теоретической, так и в практико-прикладном контексте чрезвычайно необходимо в контексте новых мировых реалий, с которыми столкнулось мировое сообщество в 2022 г. В этой связи проведение подобного рода научных исследований молодыми учеными и опытными практиками, делающих совместные шаги в науке, представленных в рамках научных публикаций данного сборника, по нашему мнению, является крайне значимым и необходимым. Научная конференция также позволяет выработать новые позиции и подходы, определяются ориентиры и дальнейшие пути развития науки в контексте преодоления споров и конфликтов в разных сферах общества.

Настоящий сборник составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов», проводимой в рамках Всероссийского фестиваля НАУКА 0+. Предлагаемый читателю сборник статей посвящен теоретическим и прикладным вопросам конфликтологии и современной практике разрешения сложных конфликтных взаимодействий. Авторы выделяют важную роль развития конфликтологической компетентности на разных уровнях обучения всех субъектов образовательного процесса, анализируют причины разных видов конфликтов, таких как внутриличностные, педагогические, организационные, управленческие, а также современные пути, методы и приемы разрешения конфликтов. В состав издания включены статьи, авторы которых имеют масштабный практический материал и опыт регулирования конфликтов в разных сферах общества.

Сборник содержит шесть разделов. В первом разделе представлен теоретический и практический опыт конфликторазрешения в области социально-педагогической деятельности и социальной работы. Во втором разделе рассмотрены концептуальные основы развития конфликтологических компетенций в организации индивидуальной профессиональной работы с обучающимися, склонными к деструктивному поведению. В третьем разделе дан анализ методов и технологий комплексного сопровождения личности «группы риска» на межведомственной основе. Социально-педагогические и социально-психологические формы и методы к организации психокоррекционной работы в профилактике рискованного поведения рассмотрены в четвертом разделе. В пятом разделе опи-

саны актуальные проблемы профессиональной подготовки специалистов, готовых к организации межведомственного взаимодействия в области социальной работы, сферы образования, культуры, политики, бизнеса и управления в целях поддержки социально уязвимых категорий населения и профилактики конфликтного взаимодействия. Заключительный раздел посвящен описанию инновационных технологий в профилактике и разрешении конфликтного взаимодействия в образовательной и социальной сфере.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам. Материалы сборника также будут интересны широкому кругу читателей, интересующихся вопросами профилактики и разрешения конфликтов.

**РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ
КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ В ОБЛАСТИ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

УДК 316.37

**Л. А. Осьмук,
Т. П. Мозговая**

**ГОТОВНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ
ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКОЙ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ
К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ «ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. В статье рассматривается готовность специалистов системы профилактики детской делинквентности использовать «восстановительные» технологии. При относительно высоком знании, что такое «восстановительное» правосудие и «восстановительные» технологии, специалисты демонстрируют невысокий уровень готовности, что свидетельствует о том, что созданные условия и сама система не в состоянии превратить обозначенные технологии в постоянно действующие профессиональные практики. Соответственно, и общество оказывается неготовым к хабиитуализации новых социальных практик. В статье приводятся результаты социологического исследования, проведенного в Новосибирской области. Исследование выявило различные точки зрения специалистов, работающих в системе профилактики детской делинквентности, на восстановительные технологии и перспективы их внедрения в систему.

Ключевые слова: система профилактики; детская делинквентность; «восстановительные» технологии; конфликт с законом и обществом; готовность специалистов; готовность системы; профессиональные и социальные практики

**L. A. Osmuk,
T. P. Mozgovaya**

**READINESS OF SPECIALISTS WORKING IN THE SYSTEM
PREVENTION OF CHILD DELINQUENCY
TO USE «RECOVERY» TECHNOLOGIES**

Abstract. The article examines the readiness of specialists of the child crime prevention system to use «restorative» technologies. With a relatively high knowledge of what «restorative» justice and «restorative» technologies are, specialists demonstrate a low level of readiness, which indicates that the conditions created and the system itself are not able to turn these technologies into permanent professional ones. practice. Accordingly, society is also not ready to get used to new social practices. The article presents the results of a sociological study conducted in the Novosibirsk region. The study revealed different points of view of specialists working in the system of prevention of child crime on restorative technologies and prospects for their introduction into the system.

Keywords: prevention system; child crime; «restorative» technologies; conflict with the law and society; readiness of specialists; readiness of the system; professional and social practices

Конфликт, возникающий у детей, совершивших проступок, с обществом значительно меняет их отношение к обществу, к другим, к себе. Получив вознаграждение от совершенного проступка, ребенок на некоторое время разрешает свой внутренний конфликт между желаниями и требованиями общества, но при этом попадает в другой, теперь уже внешний (социальный) конфликт, который может длиться достаточно долго и завершиться стигматизацией и приобретением иной идентичности. В связи с этим, период после совершенного проступка определяет будущее ребенка. Очень важно, кто окажется рядом и как (какими способами, в каком тоне, в каких условиях) будет разрешаться ситуация. Именно это делает «восстановительные» технологии и, прежде всего, «восстановительную» медиацию уникальными и результативными способами разрешения конфликта между ребенком и обществом. В узком смысле восстановительные технологии — профессионализированные социальные практики, направленные на примирение участников криминального конфликта, в процессе которого происходит возмещение ущерба, причиненного правонарушением и восстановление отношений. О результативности «восстановительных» технологий неоднократно говорили и писали: Х. Зер, Г. Бэйзмор, Л. М. Карнозова, Р. Р. Максудов, А. Ю. Коновалов, С. В. Медведева, О. М. Дементьев, О. В. Цунина и др.

Идея восстановительного подхода, появившись в юридической практике Канады в 70-ые гг., достаточно быстро распространилась в мире на фоне интереса к гуманизму, филантропии, а также развития ювенальной юстиции. В российской системе профилактики детской делинквентности технологиями примирения начали пользоваться с начала XXI в., при этом регионы осваивали и принимали новые технологии с разной степенью энтузиазма. Новосибирская область познакомилась и начала внедрять восстановительные технологии для преодоления детской делинквентности одна из первых. Однако в настоящее время острый интерес к технологиям прошел и представляется важным понять, почему распространение результативных практик оказалось «замороженным» [3, с. 59].

Надо признать, что в Новосибирской области восстановительные технологии все еще не потеряли актуальности, но они слишком медленно внедряются в деятельность различных служб и ведомств системы профилактики делинквентного поведения детей. Следует отметить, что эффективность внедрения данных технологий зависит от созданных условий и готовности специалистов использовать технологии в своей работе. Для того чтобы выявить наличие готовности специалистов и системы, в Новосибирской области в 2016–2018 гг. было проведено социологическое исследование с применением метода анкетирования (n = 229). Эмпирическим объектом в исследовании выступили специалисты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних из числа членов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки

и попечительства, образовательных учреждений, управления образования, органов социальной защиты населения, общественных организаций, управления по делам молодежи, подразделений по делам несовершеннолетних и др.

В проведенном анкетном опросе распределение по половому признаку распределилось следующим образом: мужчины — 19, женщины — 210. Средний возраст респондентов составляет 39 лет: минимальный — 20, максимальный — 65. Средний стаж работы респондентов в органах и организациях системы профилактики безнадзорности и правонарушений составляет 11 лет, при этом выявленный максимальный стаж работы составляет 40 лет.

Более половины опрошенных специалистов оказались осведомлены о содержании и принципах восстановительных технологий. При этом большинство (58 % опрошенных) склоняются к тому, что «восстановительные технологии — это совокупность приемов и способов совместного поиска самими сторонами конфликтной или криминальной ситуации, при поддержке посредника, вариантов преодоления ее негативных последствий и восстановления разрушенных социальных связей и отношений». Данный вариант ответа наиболее точно характеризует и трактует термин «восстановительные технологии» в сравнении с другими предложенными вариантами, которые получили практически равное процентное соотношение.

Почти две трети респондентов (66 %) познакомились с «восстановительными» технологиями сами, случайным образом: 37 % познакомились с сущностью восстановительных технологий в процессе самообразования, а 29 % — в процессе обмена опытом с другими специалистами. Только третья часть специалистов узнали о технологии на службе: 23 % при прохождении курсов повышения квалификации и 10 % на тематическом семинаре. В целом специалисты хорошо понимают значение «восстановительных» технологий и видят их перспективу. Определяя специфику, они указывали на особые формы и методы, а также на алгоритмы работы с несовершеннолетними и их семьями. Большинство специалистов считают, что основная цель восстановительных технологий — разрешение конфликтов с участием несовершеннолетних.

Несмотря на то что за последние несколько лет программы восстановительного правосудия стали применяться в деятельности многих субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений, взгляды квалифицированных специалистов различных ведомств на данную технологию отличаются. Так, значительная часть представителей образовательных учреждений Новосибирской области (31 % от общего числа представителей образовательных учреждений) считают, что применение восстановительных технологий перспективно в профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних. А 27 % специалистов системы социальной защиты населения Новосибирской области видят перспективным применение восстановительных технологий в профилактике социального сиротства. Специалисты органов опеки и попечительства (28 %) сводят перспективу применения восстановительных технологий к профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Другими словами, эти специалисты не упоминают слово «конфликт» в своих ответах. И лишь взгляды членов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав соответствуют

перспективе использования восстановительных технологий в разрешении конфликтов. Можно предположить, что именно комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав ближе всего сталкивается с конкретными конфликтами, с которыми ей что-то надо делать. Расхождения в ответах связаны с различием в профессиональных функциях и количеством решаемых ситуаций.

Если в перспективе 65 % опрошенных «точно бы использовали восстановительные технологии», 14 % — «возможно, использовали, если бы были определенные условия» и 21 % выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Хуже ситуация с личной готовностью на сегодняшний день: 49 % определили, что они «готовы, но не в полной мере», 20 % — «готовы использовать» и 10 % — «совсем не готовы». Однако и эти ответы не совсем соответствуют реальности (респонденты приукрашивают собственные компетенции), поскольку у 81 % опрошенных респондентов отсутствует опыт проведения «восстановительной» медиации и использования других технологий. Из опрошенных специалистов готовы использовать восстановительные технологии в своей профессиональной деятельности следующие: 21 % опрошенных председателей и секретарей КДН и ЗП Новосибирской области, 20 % специалистов образовательных учреждений, 18 % представителей органов опеки и попечительства, 12 % из числа специалистов комплексных центров социального обслуживания населения и всего 9 % специалистов управления образования. Таким образом, в большей степени готовы все-таки комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Рефлексируя по поводу собственных компетенций в области работы с несовершеннолетними (все признают такую специфику) и непосредственно в области конфликто разрешения, респонденты признаются, что не все их имеют: 57 % опрошенных респондентов отметили их наличие, 39 % — частичное наличие, и 2 % — их отсутствие. На вопрос: «Владение определенными методиками работы с конфликтами» — 21 % респондентов ответили, что «владеют оцениваемым умением», 57 % — «частично владеют», и «совсем не владеют» 13 %. Уточняющий вопрос о наличии опыта применения или участия в восстановительных технологиях показал более точные данные: 8 % обладают данным опытом, 26 % частично обладают, у 55 % респондентов он отсутствует, и 11 % затрудняются оценить. Таким образом, сначала (в начале анкеты) 65 % выражают готовность использовать «восстановительные» технологии, не опираясь на опыт, просто потому что, вероятно, срабатывает «привычка» соглашаться; эти же респонденты, но уже 21 %, говорят, о том, что имеют опыт конфликто разрешения (однако речь идет о субъективном мнении относительно собственных способностей и компетенций). И совершенно другой ответ мы получаем, когда конкретизируем вопрос и спрашиваем о готовности применять «восстановительные» технологии в конкретной профессиональной деятельности без дополнительного вознаграждения и учета нагрузки. При понимании, что речь идет о дополнительной производственной нагрузке, оценка собственной готовности значительно снижается: так, 11 % респондентов проявили свою полную готовность, 27 % — частичную готовность, 33 % — неготовность, и 29 % из числа опрошенных «затруднились» оценить свою готовность.

Полученные данные заставляют усомниться в успешности внедрения восстановительных технологий в систему профилактики детской делинквентности. Специалисты готовы внедрять «восстановительные» технологии в работу, однако существующие барьеры: отсутствие обязательного условия владения «восстановительными» технологиями и обучения им; системы и структур (в том числе межведомственного взаимодействия), обеспечивающих проведение технологий, соответствующей нормативной базы — делают невозможными практики «восстановления». Для самих специалистов барьеры внедрения «восстановительных» технологий выглядят следующим образом: 1) отсутствие подготовленных кадров — мнение 23 % опрошенных; 2) отсутствие организационных и финансовых условий — 16 %; 3) слабая информационная поддержка — 15 %; 4) недостаточная нормативно-правовая база соответствующей деятельности — 14 %; 5) слабая методическая обеспеченность по вопросам внедрения восстановительных технологий — 13 %; 6) необходимость больших временных затрат на реализацию восстановительных технологий по конкретным делам — 10 %. Хочется обратить внимание на то, что временные затраты, по большому счету, и не являются основным барьером, но использование «восстановительных» технологий рассматривается как обремененность.

Для специалистов разных ведомств основная причина отсутствия практик применения «восстановительных» технологий разная: специалисты управления образования и социальной защиты населения основной проблемой применения восстановительных технологий считают слабую методическую обеспеченность по вопросам внедрения восстановительных технологий; председатели и секретари комиссии по делам несовершеннолетних, специалисты опеки и попечительства и образовательных учреждений разделяют мнение об отсутствии подготовленных кадров для внедрения восстановительных технологий. Другими словами, «восстановительными» технологиями должны заниматься другие, подготовленные специалисты, поскольку система профилактики детской делинквентности столкнулась с «постоянным увеличением объемов и темпов работы» и «преобладанием бумажных отчетов».

Определяя возможные организационные модели внедрения восстановительных технологий в систему профилактики, специалисты оказались в значительной степени ориентированы на модель введения дополнительных штатных единиц в структуру органов и организаций системы профилактики с функциями посредника в разрешении конфликтных и криминальных ситуаций с участием несовершеннолетних — этой модели придерживаются 40 % респондентов. В то же время 32 % опрошенных специалистов признали модель самостоятельной постоянно действующей территориальной службы примирения, взаимодействующей с субъектами системы профилактики по вопросам реализации восстановительных технологий в практической работе с несовершеннолетними и их семьями. А 21 % склоняются к модели служб примирения как подразделения действующих органов и организаций системы профилактики, специализирующегося на реализации восстановительных технологий.

Оценка общей перспективы внедрения восстановительных технологий в профилактическую работу с несовершеннолетними и их семьями осуществлялась по десятибалльной шкале, где 1 балл соответствует позиции бесперспективности их внедрения, а десять баллов соответствуют наличию безусловных перспектив внедрения восстановительных технологий. Большинство специалистов, а именно 28 %, выбрали значение шкалы, соответствующее пяти баллам. Такой результат свидетельствует о невысокой и очень осторожной оценке перспектив внедрения восстановительных технологий в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, анкетирование подтвердило предположение о низкой готовности специалистов к внедрению восстановительных технологий, однако эта готовность не может рассматриваться как «нулевая». Скорее, проблема заключается в системе, которая не проявляет достаточной гибкости. Можно предположить, что возвращение к идее важности личности ребенка и к формированию ценности личности и ценности детства приведут к изменению отношения к «восстановительных» технологий. Любой специалист, работающий с делинквентными детьми, должен владеть основами «восстановительных» технологий и знать особенности поведения ребенка, совершившего проступок. С точки зрения К. Кронин-Лэмпа, «философия восстановления — это философия взаимоотношений, ключом для которых является вовлеченное участие и переживание общности, это формирование атмосферы участия и заботы, где могли бы развиваться положительные человеческие отношения» [1], для ребенка это означает восстановление утраченного доверия и социальных связей, возвращающих его обществу, а для территориальных сообществ — фактор стабильности, закреплённой в новых социальных практиках. Однако в процессе восстановления существенная роль принадлежит субъекту, осуществляющему восстановление. Он не может в этой деятельности лгать, он должен быть абсолютно готов использовать «восстановительные» технологии. Сохранение ребенка как социального субъекта для общества может рассматриваться как миссия и ответственность взрослых. Конкретизация данного тезиса происходит на конкретных территориях: «...формирование на территориях очагов восстановительного подхода вызвано активной позицией представителей общественных организаций и чиновников, которые принимают важность коммуникации и ценности гражданского общества» [2, с. 5].

Список использованной литературы

1. Кронин-Лэмп К. Развитие восстановительной культуры школы: слияние личного и профессионального «пути паломника» / К. Кронин-Лэмп, Р. Кронин-Лэмп. — URL: <http://narlibrus.wordpress.com> (дата обращения 16.09.2022).
2. Максудов Р. Р. Стратегические ориентиры центра «Судебно-правовая реформа» в области восстановительного правосудия в России / Р. Р. Максудов ; под общ. ред. Н. В. Путинцевой. — Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.

3. Стукачева Т. А. Восстановительный подход в работе с несовершеннолетними правонарушителями в Новосибирске и Новосибирской области / Т. А. Стукачева // Вестник восстановительной юстиции. — 2010. — № 7. — С. 58–60.

Информация об авторах

Осьмук Людмила Алексеевна — доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: osmuk@mail.ru.

Мозговая Татьяна Павловна — старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: tatiana26@yandex.ru.

Authors

Osmuk Lyudmila Alekseevna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: osmuk@mail.ru.

Mozgovaya Tatyana Pavlovna — Senior Lecturer, Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: tatiana26@yandex.ru.

КОНФЛИКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается понятие конфликт с точки зрения социально-психологического анализа. Конфликт понимается как неизбежный феномен межличностных отношений. Описываются предпосылки возникновения межличностных конфликтов в общении. Раскрывается сущность понятия «конфликтность личности» как интегративного личностного свойства, указывающего на повышенную склонность к конфликтному поведению. Конфликты, возникающие в межличностном общении, снижают эффективность выполняемой деятельности, способствуют ухудшению социально-психологического климата и возникновению различного рода эмоциональных проблем. Причины возникновения конфликтов в общении носят в большей степени психологический характер. В связи с этим актуальным является рассмотрение психологических основ управления конфликтами.

Ключевые слова: конфликт; межличностные отношения; конфликтность личности; общение

V. E. Valuikova

PERSONALITY CONFLICT IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIETY

Abstract. The article discusses the concept of conflict from the point of view of socio-psychological analysis. Conflict is understood as an inevitable phenomenon of interpersonal relations. The prerequisites for the emergence of interpersonal conflicts in communication are described. The essence of the concept of «personality conflict» is revealed as an integrative personal property indicating an increased propensity for conflicts. Conflicts arising in interpersonal communication reduce the effectiveness of the activities performed, contribute to the deterioration of the socio-psychological climate and the emergence of various kinds of emotional problems. The causes of conflicts in communication are mostly psychological in nature. In this regard, it is relevant to consider the psychological foundations of conflict management.

Keywords: conflict; interpersonal relations; personality conflict; communication

Проблема конфликта рассматривается различными научными дисциплинами (социологией, философией, юриспруденцией и др.). Особое место в изучении конфликта отводится психологии. Социологи в значительной степени сфокусированы на рассмотрении социальных конфликтов в контексте теоретического анализа общественных отношений. С психологической точки зрения, наибольший интерес представляет анализ внутри- и межличностных противоречий, анализ конфликта как особой формы взаимодействия людей (или групп), интересы которых не совпадают. Роль отдельных участников конфликтного противоборства неодинакова. В процессе конфликтного взаимодействия

участники руководствуются своими интересами, целями, мотивами и т. д. Достигая высокой степени развития конфликта, проясняются истинные цели и интересы участников конфликтного взаимодействия. Именно тогда их социальная значимость выходит на первое место, «срывая маски».

В качестве среды конфликта — условий, в которых он протекает, — традиционно выделяют макро- и микросреду. Помимо индивидуально-личностных условий, важную роль в развитии конфликта будут играть конкретные исторические, социально-психологические условия. «Социальная среда конфликта — это та почва, на которой возникает и развивается конфликт; включает как ближайшее, так и дальнее, более широкое окружение конфликтующих сторон, те большие социальные группы, к которым они принадлежат, национальные или классовые, а также общество в целом» [1].

«Характер протекания конфликта зависит не только от объективных условий в данной стране, большой или малой группе, но и от субъективного восприятия или образа конфликта, который формируется у действующих в данной конфликтной ситуации лиц или групп» [2].

В качестве образов конфликта могут выступать представления о самих себе, восприятие других участников конфликта, образы внешней среды, большой и малой, в которой разворачивается конфликт. Эти образы не всегда адекватно отражают существующую ситуацию. «Неадекватность, искажение восприятия конфликта может как способствовать более быстрому и напряженному его развитию, так и замедлять возникновение конфликтного взаимодействия. Например, если один из участников конфликта недооценивает всей серьезности причин для возникновения конфликта, полагая что сложившаяся ситуация не отвечает признакам конфликтной, то конфликтное противоборство может и не начаться вовсе. Есть люди, которые, наоборот, реально существующую неконфликтную ситуацию воспринимают как таковую, видя скрытое стремление оппонента вступить в конфликт. При таком положении вещей конфликт неизбежен» [2].

Предмет спора участников конфликта представляет собой зону разногласия интересов, мотивов, ценностей. Границы зоны разногласий весьма условны и подвижны. Несмотря на то что конфликт может вызываться объективными требованиями, форма их выражения может носить различный характер, дополнительно обостряя отношения. Чрезмерная эмоциональность, грубость в выражении взаимных упреков, претензий сами по себе воспринимаются как оскорбление, вызывая действие защитных механизмов у оппонента. Напротив, спокойствие и деловой настрой помогают нахождению решения проблемы.

Потребности и мотивы участников конфликта выступают в качестве побудительных сил, которые направляют субъектов конфликта, подталкивая к началу и развитию конфликтного взаимодействия.

Мотивы и потребности могут осознаваться частично. Они, тесно связанные с различными сферами личности участника конфликта, формируют специфическое видение проблемы, образ конфликта и отражают интересы, цели, ценностные ориентации партнеров. Под целью конфликта понимается идеальный образ его результата, которого хотела бы достичь каждая из сторон. Они полностью осознаются самими сторонами, но противнику раскрываются только частично, в

форме заявляемых позиций. Внутренние основы конфликта (мотивы, цели, интересы и т. д.) находят свое внешнее выражение в виде конфликтного поведения, конфликтных действий. Это самый поверхностный, непосредственно наблюдаемый пласт конфликта. Именно по наличию внешних конфликтных действий можно судить о переходе латентной (скрытой) стадии конфликта в открытую. Если стороны имеют различные цели, то вскоре их действия по достижению цели в ущерб получению противником желаемого приведут к столкновению.

Несмотря на то что образы конфликта порождаются объективной реальностью, ее отражение человеком преломляется через его внутренний субъективный мир. Это усложняет соотношение между нашими образами, представлениями и объективной реальностью, внося субъективизм в оценку реальной ситуации, что само по себе может выступать в качестве одного из источников конфликтов.

Определяя понятие «конфликт», необходимо учитывать ряд особенностей этого феномена. Прежде всего, конфликт является неизбежным феноменом межличностного общения и общественных отношений в целом. Он имеет социальную природу. Конфликт сопровождается определенным внутренним, психическим состоянием человека, характеризующимся острой напряженностью, переживанием стресса и различными патологическими явлениями (тревожностью, агрессией, неврозом и т. п.). Эмоциональное состояние человека, включенного в конфликтное противоборство, характеризуется преобладанием негативных эмоций. Внутреннее состояние, сопровождающее конфликтное взаимодействие, внешне выражается на вербальном и невербальном уровне в различных формах человеческого поведения.

В психологии конфликта существуют понятие «конфликтность личности». Под данным термином понимается готовность личности к продуцированию и участию в конфликтах.

В общих чертах конфликтность личности понимается как «степень готовности человека к развитию и завершению проблемных ситуаций социального взаимодействия путем конфликтов, а также относительная частота участия человека в реальных конфликтах по сравнению с другими людьми» [3], степень ее вовлеченности в развитие конфликтов. Это интегральное свойство личности, которое отражает частоту ее вступления в межличностные конфликты. Конфликтность личности может быть внутренней либо внешней.

Однако в психологической литературе различают понятия «конфликтная личность», «предполагающее повышенную готовность личности к конфликтам и их продуцированию, и «конфликтность личности», характеризующее черту характера или их комплекс как интегративное личностное свойство, отличающееся частотой возникновения конфликтов и вступления в них человека» [2].

Конфликтность личности влияют ряд психологические («черты характера, особенности темперамента, уровень агрессивности, эмоциональная устойчивость и саморегуляция, актуальное эмоциональное состояние, социально-психологические установки, ценностные ориентации, характер взаимоотношений...» [2]) и социальные факторы («условия жизни, особенности выполняемой деятельности, характер среды и социального окружения, общий уровень культуры, образования...» [4]).

Таким образом, под конфликтностью личности следует понимать «характеристику личности как интегративный комплексный показатель, тесно связанный как с психологическими, так и с социальными факторами» [2].

Проявление конфликтности наблюдается в «ситуации, если человек отвергнут или не признан своим среди социального окружения, если его интересы и запросы не удовлетворяются, а притязания на ведущую роль в коллективе встречают отпор других» [3].

«Причиной неблагоприятного психического состояния личности, стимулирующего конфликтность, может быть также несправедливое отношение к человеку, даже если оно непреднамеренно, неудовлетворенность работой. От человека зависит, окажется ли он в конфликтных ситуациях, придает ли он значение поступкам, делам и отношению к нему коллег, задевает ли его за живое их манера обращения, намерение подчинить себе, склонить к нежелательным поступкам» [3].

Говоря о «характерологических предпосылках проявления конфликтности и возникновения конфликта, можно обозначить следующие: нетерпимость к недостаткам других; пониженная самокритичность; импульсивность; несдержанность в чувствах; укоренившиеся негативные предрассудки, предубеждения к людям; склонность к агрессивному поведению; склонность подчинять себе других; невоспитанность; отсутствие внутренней духовной культуры; невнимание к людям; корыстолюбие; эгоизм» [2].

Это «устойчивые качества и черты характера, предрасполагающие к столкновению с окружающими, вызывающие отрицательное отношение к человеку, чувства антипатии и противодействия, которые формируются средой, являются следствием психологически неадекватного, одностороннего воспитания (например, в условиях эмоционального отвержения ребенка в семье, гипер- или гипопротекции как стиля нарушенного семейного воспитания)» [2].

«Реакция на трудности, неудачи зависит от свойств личности: одни критически оценивают собственное поведение, обвиняют себя («не организован», «не сумел сдержаться», «не сумел добиться своего»); другие ищут оправдание собственных неудач в объективных, не зависящих от людей обстоятельствах или изменяют взгляд на ситуацию, признавая ее незначительной («бывает и хуже», «не это главное»); третьи склонны обвинять в случившемся прежде всего окружающих, начинают конфликтовать с ними («не организованы», «не умеют сдерживать слово», «плохо работают», «мешают» и т. д.)» [4].

Определить склонность человека к тому или иному типу поведения, в том числе и к конфликтному, достаточно сложно. Тем не менее становится очевидно, что важным условием будет являться установление субъективной значимости противоречия, которое определяет сущность конфликтной ситуации. «На особенности отношения человека к различным проблемам деятельности определенный отпечаток накладывает изменение его ролевого положения в коллективе. Изменение объективного положения личности в коллективе требует перестройки ее субъективных отношений. Если этого не происходит, могут возникнуть трудности в овладении новой социальной функцией, конфликты с окружающими или внутренний разлад» [1].

Личность человека является уникальной, со своим жизненным опытом, манерой общения и поведения в различных ситуациях. Это находит проявление в целях, ценностях личности, ее взглядах и мировоззрении, восприятии действительности. Зачатую восприятие ситуации может быть искажено, не отражать адекватную картину действительности. Неправильное понимание социального контекста общения, искаженное восприятие различных жизненных ситуаций может негативно сказаться на взаимодействии в социуме, может приводить к недопониманию и конфликтам. Восприятие жизненных ситуаций у каждой конкретной личности может быть стереотипно: есть люди склонные к проявлению конфликтности в общении и негативном восприятии нейтральных по своему характеру поведенческих реакций другого человека. «Конфликтность, склонность к конфликтам с окружающими чаще наблюдается у людей с неподдающимся, негибким, ригидным характером, у тех, кто не способен переносить поведение, противоречащее их принципам и ценностным критериям» [1]. Такие люди, как правило, являются инертными по характеру, они сложно приспосабливаются к изменению обстановки, малообщительны, с трудом идут на уступки и компромиссы в спорах.

Такие индивидуальные реакции человека на поведение уникальны для личности. «Одни всегда отталкиваются только от собственных представлений и не обращают внимания на чувства и мнения окружающих, в случае конфликта прекращают контакты. Другие всегда считаются с окружающими, пытаются подстроиться под них, вникнуть в психологию других, умеют согласовывать собственные интересы с интересами других [1].

Наименьшую «конфликтность в общении проявляют люди, умеющие понимать другого человека, склонные к эмпатии, приветливости в общении. Люди эгоистичные, не склонные к эмпатии наоборот часто и быстро вступают в конфликт» [2].

Конфликты могут быть обусловлены как «излишним конформизмом, так и его противоположностью — негативизмом. При излишнем конформизме наблюдается беспринципное поведение, подверженное влиянию случайных обстоятельств, когда собственное мнение, позицию, поступки стараются во что бы то ни стало приспособить к мнению и поступкам окружающих.

Конформисты легко поддаются влиянию и внушению. При негативизме люди оказывают бессмысленное упрямое сопротивление, в частности в молодом возрасте это проявляется в строптивости, направленной против взрослых» [1].

Конфликтность личности как интергративная характеристика тесно связана с таким понятием, как «манера поведения». «Манера поведения — фактор не наследственный, это результат жизненного опыта. Умение помочь другим выбрать наиболее подходящую манеру поведения очень существенно для организации нормальных взаимоотношений в любом коллективе» [1].

Т. Адорно рассматривал «конфликтность через призму авторитарной личности. Ее причиной является излишне строгое семейное воспитание, когда чувство агрессии, обиды по отношению к родителям, жестоко подавлялись, вследствие чего сформировалось идеализированное отношение к родителям, а чувство враждебности к ним перешло на уровень бессознательного».

В качестве основных характеристик «авторитарной личности как проявления конфликтности можно выделить: косность, ригидность, стереотипность мышления; соблюдение условностей и преследование тех, кто их нарушает; мистическая предрасположенность; преувеличенный интерес к проблемам власти, силы, насилия; опасение и страх перед дурным влиянием, опасение попасть под влияние «чужих»; цинизм, уверенность в том, что все средства хороши для немедленного достижения «высоких и справедливых» целей собственной группы; преувеличенный конформизм в сфере сексуальных отношений; вера в моральную чистоту собственной группы, клана и отказ в этом другим группам; приверженность ценностям среднего класса» [1].

Говоря об авторитарных людях, можно отметить такие характеристики их личности как жесткость, грубость, строгость, ригидность социальных установок, нетерпимость; «предпочтением ясной и четкой определенности и алгоритмов; тягой к социальным рангам и статусам; двойственностью в отношении к власти, соотносимой с двойственным отношением к родителям; ригидностью в построении межличностных отношений, поэтому близость в личных отношениях представляет сложность и часто неприемлема».

По мнению З. Фрейда и Т. Адорно, именно заложенные в раннем возрасте особенности процесса социализации личности, двойственность эмоциональных отношений будут определять ту модель отношения и поведения, которую человек будет транслировать в взрослом возрасте.

«Сформировавшаяся авторитарность и, как следствие, повышенная конфликтность определяют поведение в межличностном общении с преобладанием настороженности, враждебности, скованности в проявлении чувств, теплоты, подчинением власти и силе, наличием чувства постоянного страха. Внешне авторитарная личность с уважением и признанием относится к власти, однако внутренне, на бессознательном уровне, сохраняет к ней глубокую враждебность и агрессивность. Путем замещения эта враждебность может переноситься на конкретные социальные слои, этнические меньшинства, политические движения, которые будут выступать в образе врага» [4].

Важную роль в возникновении конфликтности личности и конфликтного поведения играют потребности индивида. Встречая противодействие на пути удовлетворения потребностей, человек испытывает состояние фрустрации. Фрустрирующая ситуация, вызывающая конфликт, согласно учения Ч. Диксона, может «выражаться в следующих проявлениях: в настойчивости — продолжать свою линию, усилении — стараться действовать сильнее, обходе — идти к цели окружным путем, агрессии — добиваться своего с помощью насилия, обвинении — искать ошибку или виноватых, уходе — уйти от проблемы, бегстве — уйти от всего» [1].

«Находясь в состоянии фрустрации, личность испытывает эмоциональное напряжение, негативные переживания, принимая деструктивные формы поведения в конфликте, «направленные на разрушение условий, препятствующих достижению ее целей и реализации потребностей» [2].

В литературных источниках можно встретить описание значительного количества типов конфликтных личностей (демонстративный, ригидный, неуправляемый, сверхточный и др.), однако их подробное описание не входило в задачи нашего исследования.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что личность и ее индивидуальные особенности играют важную роль в конфликте. Изучение такой характеристики, как конфликтность личности, позволяет глубже понять природу возникновения конфликтного поведения, выявить закономерности конфликтного реагирования. Конфликтность следует рассматривать как характеристику общения и социального взаимодействия личности.

В связи с этим для профилактики конфликтности в общении необходимо уделять внимание повышению коммуникативной компетентности, развитию коммуникативных навыков и способностей.

Список использованной литературы

1. Богданов Е. Н. Психология личности в конфликте : учеб. пособие / Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин. — Санкт-Петербург : Питер, 2004. — 221 с.
2. Валуйкова В. Е. Психологические основы конфликтологии : учеб.-метод. пособие / В. Е. Валуйкова. — Орел : Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева, 2021. — 102 с.
3. Медведева В. Е. Конфликтологическая компетентность личности в условиях современного общества / В. Е. Медведева // Конфликтология. — 2014. — № 5. — С. 110–112.
4. Реан А. А. Психология изучения личности / А. А. Реан. — Санкт-Петербург, 1999. — 288 с.

Информация об авторе

Валуйкова Вера Евгеньевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: veraxx@mail.ru.

Author

Valuikova Vera Evgenievna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Management and Conflictology, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Orel, the Russian Federation, e-mail: veraxx@mail.ru.

**Т. И. Никулина,
М. Г. Бочило,
Н. Ю. Дичина,
А. П. Старкова**

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА

Аннотация. В работе представлены возможные пути развития конфликтологической компетентности студентов в процессе организации и проведения научно-практической деятельности, как эффективного способа профессионального становления будущих психологов служебной организации. Представлена взаимосвязь эффективности учебной деятельности и конфликтологической компетентности как показателя результатов снижения деструктивного поведения.

Приводятся формы организации научно-практической деятельности, которые позволяют не только сформировать у студента активную жизненную позицию практического психолога, осознание своего социального статуса, но и способствовать реализации индивидуальных возможностей будущего специалиста в области психологии.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность; психолог; научно-практическая деятельность

**T. I. Nikulina,
M. G. Bochilo,
N. Yu. Dichina,
A. P. Starkova**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL ACTIVITY AS A FORM OF STUDENT'S CONFLICT COMPETENCE DEVELOPMENT

Abstract. The paper presents possible ways of developing the conflictological competence of students in the process of organizing and conducting scientific and practical activities, as an effective way of professional development of future psychologists of a service organization. The relationship between the effectiveness of educational activities and conflictological competence as an indicator of the results of reducing destructive behavior among students is presented.

Forms of organization of scientific and practical activities are given, which allow not only to form a student's active life position of a practical psychologist, awareness of his social status, but also to promote the realization of the individual capabilities of a future specialist in the field of psychology.

Keywords: conflictological competence; psychologist; scientific and practical activity

На современном этапе понятие «конфликтная компетентность» занимает очень важное место в социологической и психологической науках. Несмотря на достаточно глубокую изученность этого вопроса такими авторами, как

С. М. Емельянов, М. М. Кашапов, Л. А. Петровская, задачи развития конфликтологической компетентности продолжают оставаться актуальными.

Как указывает Л. М. Митина, понятие «компетентность» является личностной характеристикой, а термин «компетенция» обозначает должностные полномочия личности. Для студентов, обучающихся по направлению «Психология служебной деятельности», эти понятия являются достаточно важными и значимыми в рамках становления профессионально-значимых качествах.

М. М. Кашапов указывает на когнитивный компонент в структуре понятия «компетентность» и понимает его как особый тип организации предметно-специфических знаний, позволяющий принимать и реализовывать эффективные решения в соответствующей области деятельности. Автор подчеркивает, что образовательный процесс в современных условиях должен быть ориентирован не на передачу и усвоение некоторой суммы знаний, а на овладение способами адаптации в различных видах деятельности [2].

Л. М. Митина указывает на две тенденции конфликтологической культуры в целом: развитие коммуникативной компетентности и личностно-творческой [3]. Поэтому в работе автора конфликтологическая компетентность рассматривается как составляющая коммуникативной компетентности и имеет непреходящее значение в формировании навыков профессиональной деятельности.

Также понятие «конфликтологическая компетентность» включает качества специалиста, владеющего профессиональными знаниями о сущности конфликтов и конфликтных отношений в профессиональной деятельности.

В связи с представленной значимостью рассматриваемых вопросов в организации учебно-методической и научно-практической деятельности студентов уделяется большое внимание и задачам конфликтологической компетентности. Для решения поставленных воспитательных задач в вузе организуются различные формы научной и учебно-методической деятельности студентов: всероссийская научно-практическая конференция «Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов», мастер-класс «Методы и формы психокоррекционной работы в профилактике рискованного поведения», мастер-класс «Организация профилактической работы с обучающимися, склонными к деструктивному поведению», флешмоб «Я — гражданин Российской Федерации», региональная олимпиада учащихся средних образовательных учреждений и студентов образовательных учреждений высшего образования по психотехнологии урегулирования конфликтов, международный конкурс «Технологии урегулирования и профилактики конфликтов в молодежной среде».

Всероссийская научно-практическая конференция состоялась 21 октября 2022 г. на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Байкальский государственный университет». Конференция организована и проведена совместно с сотрудниками ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции» г. Иркутска.

В основу проведения Всероссийской научно-практической конференции «Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов» входило развитие знаний, умений, компетенций в области профилактики

и разрешения конфликтов, творческого мышления, повышение интереса к будущей профессиональной деятельности на основе оценки ее социальной значимости и личностной мотивации студентов в области социального взаимодействия.

В конференции приняли участие ученые высшей школы, практики-психологи, студенты средних и высших образовательных учреждений Иркутска, Омска, Мурманска, Орла, Улан-Удэ, Ангарска.

К участию в конференции приглашались ученые и преподаватели образовательных организаций высшего образования и среднего профессионального образования, а также психологи, социальные педагоги, социальные работники, учителя-практики; специалисты государственных и негосударственных учреждений сферы культуры, бизнеса, здравоохранения, управления и др., представители общественных организаций, занимающиеся защитой детства, поддержкой человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации; студенты, магистранты, аспиранты.

Целью проведения конференции являлся анализ вопросов современного состояния, опыта и перспектив развития теории и практики разрешения конфликтов и профилактики деструктивного поведения в молодежной среде.

В задачи конференции входило:

- повышение качества среднего и высшего образования в интересах развития личности, ее творческих способностей и талантов, обеспечения академической мобильности обучающихся;

- развитие знаний, умений, компетенций в области профилактики и разрешения конфликтов, творческого мышления, повышение интереса к будущей профессиональной деятельности на основе оценки ее социальной значимости и личностной мотивации студентов в области социального взаимодействия;

- совершенствование базовой подготовки обучающихся в области коммуникации;

- закрепление и углубление знаний, умений и навыков структурного анализа конфликтной ситуации;

- стимулирование творческого роста и повышения интереса обучающихся к конструктивному межличностному общению в образовательной и профессиональной сфере.

Конференция имела ряд научных направлений:

1. Теоретический и практический опыт конфликто разрешения в области социально-педагогической деятельности и социальной работы.

2. Концептуальные основы развития конфликтологических компетенций в организации индивидуальной профессиональной работы с обучающимися, склонными к деструктивному поведению.

3. Социально-педагогические и социально-психологические формы и методы к организации психокоррекционной работы в профилактике рискованного поведения.

4. Методы и технологии комплексного сопровождения личности «группы риска» на межведомственной основе.

5. Взаимодействие специалистов в области социальной работы, сферы образования, правоохранительных органов, направленное на активизацию потенциала личности, поддержку ресурсов и создание условий по организации вывода из трудной жизненной ситуации.

6. Актуальные проблемы профессиональной подготовки специалистов, готовых к организации межведомственного взаимодействия в области социальной работы, сферы образования, культуры, политики, бизнеса и управления в целях поддержки социально уязвимых категорий населения и профилактики конфликтного взаимодействия.

7. Совершенствование инновационных технологий в профилактике и разрешении конфликтного взаимодействия в образовательной и социальной работе.

Мастер-класс «Методы и формы психокоррекционной работы в профилактике рискованного поведения». Модератор — Марина Георгиевна Бочило, заведующая отделом социально-психологической работы ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции».

На мастер-классе «Методы и формы психокоррекционной работы в профилактике рискованного поведения» слушатели рассмотрели характерные особенности и специфическое значение рискованного поведения в молодежной среде. В рамках решения задач по предотвращению риска, который люди создают себе сами своими поступками и поведением, с высокой степенью вероятностью приводящим к потере здоровья, физического или социального благополучия личности, обозначены методы и формы психокоррекционной работы.

В работе с участниками мастер-класса представлено гендерное различие и описание демографических, биологических и психосоциальных факторов поведения как индивидуальных особенностей и как общее свойство личности человека, ставящего под угрозу свое благополучие и самосохранение.

Особый акцент в мастер-классе сделан на риски молодых людей в интернет-пространстве, различные аспекты рискованного поведения, а также представлена структура поиска индивидуального смысла жизни.

На мастер-классе «Организация профилактической работы с обучающимися, склонными к деструктивному поведению» представлена психологическая модель активности личности, проявляющаяся в зависимости от определенных ситуационных, социокультурных и индивидуально-психологических факторов, направленная человеком на самого себя или вовне и выступающая в виде импульсивного, неосознанного, рефлексорного или сознательного, расчетливого поступка.

Участники познакомились с типами деструктивной модели поведения, такими как антисоциальный, аддиктивный, суицидный, фанатический, аутический, нарциссический, комформистский, а также с внешними и внутренними признаками, влияющими на межличностное взаимодействие.

Особое внимание уделено опасным факторам в сети Интернет: коммуникационным рискам, контентным, техническим и потребительским рискам. Кроме

того, участников мастер-класса познакомят с необходимыми действиями при обнаружении признаков деструктивного поведения у обучающихся.

Флешмоб «Я — гражданин Российской Федерации» направлен на развитие патриотических качеств личности студентов.

Цель акции — формирование чувства сопричастности к истории своей страны, долга и ответственности, воспитание уважения к национальным ценностям народов России, объединение участников из разных регионов России на основе единого творческого опыта, бережного отношения к родному краю, любви к Родине.

В задачи флешмоба входило формирование познавательного интереса к национальному нематериальному наследию; объединение молодежи творческой сопричастностью к отечественной музыкальной культуре; воспитание активной гражданской позиции.

Региональная олимпиада учащихся средних образовательных учреждений и студентов образовательных учреждений высшего образования по психотехнологии урегулирования конфликтов была посвящена повышению конфликтологической компетенции в межличностном общении в молодежной среде и учебной деятельности.

Основными задачами олимпиады были совершенствование базовой подготовки обучающихся в области конфликтологии; закрепление и углубление знаний, умений и навыков структурного анализа конфликтной ситуации; повышение качества среднего и высшего образования в интересах развития личности, ее творческих способностей и талантов, обеспечения академической мобильности обучающихся; развитие знаний, умений, владений, компетенций в соответствии с ФГОС ВО, творческого мышления, повышение интереса к будущей профессиональной деятельности на основе оценки ее социальной значимости и личностной мотивации учащихся в области конфликто разрешения.

В программу ВСО по конфликтологии были включены следующие конкурсы: индивидуальный конкурс «Основы конфликтологии», командный конкурс «Пути выхода из конфликта», командный творческий конкурс «Сторителлинг конфликта» (домашнее задание).

Индивидуальный конкурс «Основы конфликтологии» предполагал проверку знаний теоретических и прикладных аспектов конфликтологии: категориально-понятийного аппарата, коммуникативных техник разрешения конфликтов. Конкурс проводился в форме тестирования и включал в себя вопросы по следующим темам: теоретические основы конфликтологии; конфликты в различных сферах человеческого взаимодействия; предупреждение конфликтов; разрешение конфликтов.

Командный конкурс «Пути выхода из конфликта» заключался в проверке практических знаний участников в области разрешения конфликтов. Задача — найти варианты выхода из конфликта в предложенной ситуации.

Творческий конкурс «Сторителлинг конфликта» (домашнее задание) предполагал демонстрацию одного видеоролика с историей конфликтной ситуации и

ее разрешения либо описание технологии предупреждения или профилактики конфликта.

Таким образом, можно заключить, что проведенные мероприятия вызвали в студенческой среде научный и учебный резонанс, интерес к подобным формам взаимодействия и в целом способствовали формированию позитивного отношения к учебной деятельности.

Список использованной литературы

1. Емельянов С. М. Управление конфликтами в организации / С. М. Емельянов. — Санкт-Петербург : Авалон : Азбука-классика, 2006. — 256 с.
2. Кашапов М. М. Психология конфликтной компетентности : учеб. пособие / М. М. Кашапов. — Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2010. — 128 с.
3. Митина Л. М. Профессиональная деятельность и здоровье педагога : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. М. Митина, Г. В. Митин, О. А. Анисимова. — Москва : Академия, 2005. — 368 с.
4. Петровская Л. А. К вопросу о природе конфликтной компетентности / Л. А. Петровская // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. — 1997. — № 4. — С. 41–45.

Информация об авторах

Никулина Татьяна Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: nikulunati@mail.ru.

Бочило Марина Георгиевна — заведующий отделом социально-психологической работы ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции», г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: bo4ilomg@mail.ru.

Дичина Наталья Юрьевна — заместитель директора ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции», г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: dichinan@inbox.ru.

Старкова Анна Петровна — заместитель директора ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции», г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: starkovaal10@gmail.com.

Authors

Nikulina Tatyana Ivanovna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: nikulunati@mail.ru.

Bochilo Marina Georgievna — Head of the department of socio-psychological work of the State Institution «Center for Prevention, Rehabilitation and Correction», Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: bo4ilomg@mail.ru.

Dichina Natalya Yuryevna — Deputy Director of the State Institution «Center for Prevention, Rehabilitation and Correction», Irkutsk, the Russian Federation, dichinan@inbox.ru.

Starkova Anna Petrovna — Deputy Director of the State Institution «Center for Prevention, Rehabilitation and Correction», Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: starkovaal10@gmail.com.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Приводится понятие конфликта, конфликтной ситуации, анализ причин организационных конфликтов. Рассматривается феномен социальной напряженности персонала, внешних и внутренних факторов, способствующих возникновению социальной напряженности. Анализируются внутренние факторы социальной напряженности, отражающие состояние организационной культуры. Рассматриваются внешние факторы, связанные с нестабильной политической и экономической ситуацией в стране и в мире. Приводятся главные признаки конфликтной ситуации в организации. На материалах эмпирического исследования взаимоотношений в филиале ПАО «Сбербанк России» рассматривается понятие и роль лояльности сотрудников в организационной культуре банка, выделены основные группы причин конфликтов в банковской сфере.

Ключевые слова: конфликт; конфликтная ситуация; причины; социальная напряженность

Е. Yu. Panchuk

MAIN REASONS FOR ORGANIZATIONAL CONFLICTS IN THE BANKING SECTOR

Abstract. The concept of conflict, conflict situation, analysis of the causes of organizational conflicts is given. The phenomenon of social tension of the staff, external and internal factors contributing to the emergence of social tension is considered. The internal factors of social tension, reflecting the state of organizational culture, are analyzed. External factors associated with the unstable political and economic situation in the country and in the world are considered. The main signs of a conflict situation in the organization are given. Based on the materials of an empirical study of relationships in a branch of Sberbank of Russia, the concept and role of employee loyalty in the organizational culture of the bank is considered, the main groups of causes of conflicts in the banking sector are identified.

Keywords: conflict; conflict situation; reasons; social tension

Конфликт в организации — это открытая форма существования противоречий интересов, возникающих в процессе взаимодействия людей при решении вопросов производственного и личного порядка. Безусловно, производственные конфликты неизбежны, они отражают изменения во внутренней и внешней среде организации, при правильном урегулировании конфликты способствуют организационному развитию. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема анализа организационных конфликтов в банковской сфере с целью разработки методов регулирования. Напряженная ситуация в стране и в мире оказывает негативное воздействие на психологическое состояние работников,

что способствует возникновению социальной напряженности, являющейся одной из предпосылок для возникновения конфликтов.

Под конфликтом в целом нами понимается столкновение противоположно направленных тенденций в личности отдельных людей, а также во взаимоотношениях членов группы, обусловленное различием взглядов, позиций, интересов по разным вопросам. Значительная часть конфликтов в организациях банковской сферы отображают объективные противоречия, существующие в любой организации независимо от сферы деятельности, формы собственности и других подобных факторов. Обнаружить связь между конфликтом и вызвавшим его противоречием бывает нелегко, так как часто их разделяет множество промежуточных событий, второстепенных факторов.

Рассматривая причины конфликтов, необходимо определить, что к причинам конфликтов можно отнести явления, события, факты, ситуации, предшествующие конфликтной и при стечении определенных обстоятельств ведущие к ее возникновению [2].

Как правило, возникновению конфликта в организации предшествует социальная напряженность. Она проявляется в осознании членами коллектива несправедливости в распределении социальных благ, в отношениях руководителя к подчиненным, выражается в нарушении функционирования и взаимоотношений работников, отсутствии между ними сотрудничества.

Возникновению социальной напряженности в коллективе способствуют внутренние и внешние факторы. Внутренние факторы отражают состояние организационной культуры, в частности такие отклонения, как дефицит информации о состоянии дел, о планах дальнейшего развития, что влечет за собой различия в целях и способах реализации целей работников, групп работников; невыполнение руководством своих обещаний; низкая заработная плата и несправедливое распределение материального вознаграждения; неудовлетворительные условия труда и отдыха, организации труда; отсутствие грамотной работы по внедрению инноваций. К факторам, связанным с неудовлетворительной организацией труда, относится взаимозависимость задач, когда невыполнение или халатное отношение к выполнению задачи одного сотрудника ведет к проблемам в реализации задачи другого сотрудника.

Немаловажное значение имеют факторы, связанные как с горизонтальными, так и с вертикальными отношениями между работниками. Это наличие в коллективе негативных традиций, присутствие лидера отрицательной направленности, наличие микрогрупп, сформированных по признаку антипатии к руководителю или к кому-либо из членов коллектива. Это и предвзятое отношение к работникам, которое может проявляться как в излишней требовательности, придирчивости, так и в покровительстве, излишней опеке и всепрощении [3].

Индивидуальные психологические особенности также могут способствовать возникновению конфликтов, но только в том случае, если речь идет о психологической несовместимости или о наличии в коллективе конфликтной личности.

К внешним факторам относится в первую очередь нестабильная политическая ситуация в мире, напряженная обстановка в стране, рост цен на товары первой необходимости, боязнь возникновения дефицита на данные товары. Также на возникновение социальной напряженности влияет сокращение социальных льгот в новых законодательных актах, в частности, увеличение пенсионного возраста; снижение правовой защиты интересов работников; незаконное обогащение отдельных граждан.

Конфликты в организациях являются результатом противоречий, вызванных расхождением интересов, норм поведения, ценностей людей [1]. Большое влияние на возникновение конфликта оказывает соотношение интересов работников. Зачастую то, что выгодно одним, другим выгодно не в той же степени. Нередко интересы могут быть противоположно направлены: что выгодно одним, не выгодно другим. Конфликт возникает в случае осознания людьми противоречия интересов, самостоятельно или с чьей-то помощью. Причем противоречия интересов могут быть как истинными, так и ложными, когда возникает мнение о противоположности интересов в результате получения неверной информации, манипулирования сознанием со стороны отдельных лиц.

Конфликту в организации предшествует конфликтная ситуация, которая может развиваться длительное время. Признаки конфликтных ситуаций могут проявляться в форме уклонения от выполнения указаний руководителя, замкнутости, подавленности отдельных работников, а также в форме высказываний оскорбительного характера, унижения личного достоинства. При условии ответных действий конфликтная ситуация переходит в конфликт [4].

Эмпирическое исследование конфликтов в банковской сфере проводилось на базе филиала ПАО «Сбербанк России» при помощи наблюдения и беседы.

Анализ существующих конфликтов заставляет задуматься о таком важном факторе успешности организации как лояльность персонала. На сегодняшний день можно утверждать, что нелояльность работников не только приводит к конфликтам, но может снизить безопасность организации, ее конкурентоспособность в целом. Эффективное управление лояльностью персонала банка поможет предотвратить возможные конфликты, обеспечить эффективность деятельности. Руководители структурных подразделений банка не до конца осознают, что значит данное понятие, недооценивают его влияние на деятельность. Часто за лояльность они принимают соблюдение инструкций, норм, требований, отсутствие злоупотреблений на рабочем месте, низкие показатели текучести кадров. Однако лояльность как важнейший элемент корпоративной культуры необходимо рассматривать гораздо шире. Она означает преданность организации, веру в ее миссию, ощущение себя частью организации, желание внести вклад в процветание банка и готовность, при необходимости, терпеть возможные ограничения и трудности. В банке наблюдаются различные формы проявления лояльности и нелояльности, которые приводят к проблемам во взаимоотношениях, в том числе и к конфликтам.

Нами выявлены наиболее частые причины возникновения конфликтов в коллективе филиала банка.

Во-первых, это конфликт ролей. Каждый сотрудник выполняет в организации чаще всего несколько ролей. Недостаточное понимание обязанностей, предусмотренных конкретной ролью, приводит к конфликтам. Различные роли одного сотрудника могут конфликтовать между собой: например, роль руководителя и коллеги в одном и том же коллективе. Благодаря проведенному анализу конфликтной ситуации в отделе руководством банка были детально распределены и расписаны должностные обязанности каждого из работников отдела, а также введен ежедневный контроль над всеми выполняемыми операциями. Эти меры позволили исключить подобного рода конфликты в дальнейшем.

Следующая немаловажная причина конфликтов — пристрастные отношения. Положительное пристрастное отношение ведет к зависти сотрудников, отрицательное — к обиде. Особенно сложно регулировать конфликт в случае мнимого пристрастного отношения, которое существует только в воображении человека. В результате наличия пристрастного отношения в коллективе филиала Сбербанка возникло непонимание между лицами, занимающими разное положение. Данный конфликт удалось частично урегулировать, организовав откровенный разговор-беседу руководителя и его сотрудников. В дальнейшем были проведены индивидуальные доверительные беседы с руководителем отдела с каждым из сотрудников.

Распределение на отделы и специализация является как необходимым условием успешной работы, так и источником конфликтов. Решение отделом глубоко специальных задач мешает взаимодействию между подразделениями. Кроме того, проблемы в работе одного отдела ведут к сбою в работе остальных отделов, что закономерно влечет за собой конфликты.

Организационные изменения провоцируют конфликты в коллективе, так как всегда вызывают сопротивление у работников. Здесь очень важным является умение менеджеров вести подготовку к изменениям.

Нарушение территории как причина конфликта проявляется в том, что каждый человек на рабочем месте создает свою «территорию»: оборудует и оформляет рабочее место, располагает в определенном порядке рабочие принадлежности, оформляет рабочий стол компьютера. Если кто-либо нарушает заведенный распорядок, это воспринимается как посягательство на личное пространство и является причиной конфликта.

Индивидуальные различия в восприятии могут провоцировать конфликты как в коллективе банка, так и в любом другом коллективе. Одни и те же события люди воспринимают по-разному. Нежелание или неспособность воспринимать точку зрения, отличную от собственной, ведет к возникновению конфликтной ситуации.

Скудные или ограниченные ресурсы также служат причиной конфликтов. В первую очередь это неудовлетворенность размером оплаты труда, мнимая или реальная несправедливость в распределении вознаграждения.

Учитывая вышеприведенные причины, руководство филиала ПАО «Сбербанк России» применяет разнообразные способы регулирования и про-

филактики конфликтных ситуаций, что позволяет добиться стабильности в работе, благоприятного психологического климата в коллективе, избегать недопонимания между отделами и отдельными сотрудниками, выполнять поставленные задачи в срок.

Таким образом, нами проанализированы возможные причины организационных конфликтов, факторы, способствующие социальной напряженности. Обозначена роль лояльности сотрудников в организационной культуре банка. Выделены основные причины конфликтов в филиале банка, такие как пристрастные отношения, конфликт ролей, организационные изменения, специализация и распределение на отделы, нарушение территории, ограниченные ресурсы, индивидуальные различия.

Список использованной литературы

1. Зеленков М. Ю. Конфликтология / М. Ю. Зеленков. — Москва : Дашков и К., 2015. — 324 с.

2. Лытнева Н. А. Причины возникновения и жизненный цикл организационных конфликтов / Н. А. Лытнева, В. М. Реутович // Интеграция и организация учета, анализа и аудита в условиях цифровой экономики : сб. науч. тр. Междунар. эконом. форума. — Орел, 2019. — С. 59–63.

3. Мохаммад Заман Амин. Причины организационных конфликтов / Мохаммад Заман Амин // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. — 2019. — № 8 (20). — С. 14–17.

4. Ширяев В. И. Принятие решений. Динамические задачи. Управление фирмой / В. И. Ширяев, Е. В. Ширяев. — Москва : Либроком, 2009. — 192 с.

Информация об авторе

Панчук Екатерина Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры экономики, маркетинга и психологии управления, Ангарский государственный технический университет, г. Ангарск, Российская Федерация, e-mail: epanchuk05@mail.ru.

Author

Panchuk Ekaterina Yuryevna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Marketing and Management Psychology, Angarsk State Technical University, Angarsk, the Russian Federation, e-mail: epanchuk05@mail.ru.

**Т. П. Мозговая,
Д. А. Притула**

КОНКУРС ЮНЫХ МЕДИАТОРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ: ОПЫТ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье обосновывается значение и роль конкурсного механизма как инструмента развития и продвижения восстановительных практик конфликто разрешения в сфере социально-педагогической работы. Характеризуются институциональные основы развития школьных служб примирения и восстановительного подхода к решению педагогических конфликтов. Статья посвящена анализу опыта Новосибирской области в части организации и проведения Конкурса юных медиаторов в контексте поддержки школьных служб примирения в регионе, развития культуры мира в молодежной среде, в том числе профилактики конфликтов, буллинга и правонарушений в школе.

Ключевые слова: конфликт; школьные службы примирения; восстановительные технологии; медиация; конкурс юных медиаторов; развитие школьных служб примирения

**T. P. Mozgovaya,
D. A. Pritula**

COMPETITION OF YOUNG MEDIATORS AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF SCHOOL RECONCILIATION SERVICES IN THE NOVOSIBIRSK REGION

Abstract. The article substantiates the significance and role of the competitive mechanism as a tool for the development and promotion of restorative practices of conflict resolution in the field of socio-pedagogical work. The institutional foundations for the development of school reconciliation services and a restorative approach to solving pedagogical conflicts are characterized. The article is devoted to the analysis of the experience of the Novosibirsk region in terms of organizing and holding the Competition of young mediators in the context of supporting school reconciliation services in the region, developing a culture of peace among young people, including the prevention of conflicts, bullying and delinquency at school.

Keywords: conflict; school reconciliation services; restorative technologies; mediation; competition of young mediators; development of school reconciliation services

Служба примирения — это условное обозначение институализированной структуры, которая реализует медиативный и восстановительные подходы в реагировании на конфликты посредством применения для их разрешения медиации и восстановительных технологий. Школьная служба примирения — это служба, созданная в образовательной организации и состоящая из работников

образовательной организации, обучающихся и их родителей, прошедших подготовку и обучение основам медиативного подхода и мирного разрешения конфликтов в школе. Целью школьных служб примирения является ограничение административных реакций взрослых и агрессивных реакций подростков на конфликт, и замена их переговорами [3, с. 7]. По мнению Коновалова А. Ю., «школьные службы примирения — это оформленная детско-взрослая команда, которая реализует в образовательной организации восстановительный подход к конфликтам, а также правонарушениям несовершеннолетних» [2].

Школьные службы примирения стали создаваться в России с 2001 г. Становление и развитие школьных служб примирения являются результатом деятельности межрегионального общественного центра «Судебно-правовая реформа». Специалистами центра была разработана модель школьных служб примирения, в основе которой лежат принципы восстановительного правосудия: восстановление у участников конфликта/правонарушения способности понимать последствия ситуации для себя, своих родных, второй стороны; ответственность обидчика перед жертвой, состоит в заглаживании причиненного вреда насколько возможно силами самого нарушителя; выход из состояния жертвы тех, кому были причинены вред, обида, агрессия или несправедливость за счет заглаживания обидчиком причиненного жертве вреда, и ответа на волнующие жертву вопросы со стороны обидчика и его близких; принятие самими участниками конфликтной ситуации на себя ответственности по ее урегулированию, исключающее насилие или дальнейшее причинение вреда; прекращение взаимной вражды и нормализация отношений, поддержка их ответственного поведения; помощь близких и уважаемых участниками людей в актуализации нравственных ориентиров и ценностей, отсутствие которых привело к конфликту/правонарушению; поддержка позитивных изменений и выполнения заключенного примирительного договора (плана) со стороны родных, близких, уважаемых людей и школьного сообщества; восстановление у родителей ответственной воспитательной позиции по отношению к ситуации, сложившейся с их ребенком.

Эти принципы реализуются в рамках восстановительных программ: «Круг ответственности» (программа направлена на первичную профилактику конфликтов); «Программа примирения» (программа по урегулированию конфликта между школьниками); «Восстановительная медиация» (программа по урегулированию конфликта между школьниками, а так же с участием родителей, педагогов); «Круг сообщества» (программа по урегулированию групповых конфликтов в классе или внутри группы родителей класса через обращение к нравственным ценностям, а также договоренности и взаимной ответственности); «Программа по заглаживанию вреда» (программа по минимизации негативных последствий ситуаций правонарушений, таких как кража, драка, порча имущества и т. п., а так же по делам, переданным из комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и суда в рамках вторичной профилактики); «Школьно-родительский совет» (программа по согласованию позиций и интересов родителей, детей, педагогов в отношении образовательного процесса) [2].

Помимо этого, школьные службы примирения проводят тренинги и занятия с учащимися направленные на обучение конструктивным способам общения,

способности принимать согласованные решения и сотрудничать на основе восстановительного подхода через опыт решения реальных конфликтов.

Становление и развитие школьных служб примирения в Новосибирской области происходило в начале 2000-х гг. в рамках проектов по профилактике преступности среди несовершеннолетних. В г. Новосибирске был создан Центр психолого-педагогической помощи молодежи «Прометей» (МБУ Центр «Прометей»). Деятельность данного центра была направлена на профилактику девиантного поведения у подростков, пропаганду ЗОЖ, помощь подросткам и молодежи в трудных жизненных ситуациях, помощь молодым семьям. МБУ Центр «Прометей» содействовал созданию двух первых школьных служб примирения в г. Новосибирске в МБОУ СОШ № 13 и МБОУ ОУ «Гимназия № 9». С 2014 г. в Новосибирской области при содействии МОО «Социальное партнерство» и ЦДиК «Янтарь» формируется сеть школьных служб примирения, организуется обучение педагогов и учащихся основам восстановительного подхода и медиации при решении конфликтов в образовательных организациях [4, с. 372]. В этот период сеть школьных служб примирения начала формироваться с создания такой службы в МБОУ Барышевская СШ № 9 в Новосибирском районе Новосибирской области. В 2016 г. администрация Новосибирского района утвердила районную дорожную карту по созданию и развитию сети школьных служб медиации на 2016–2019 гг., согласно которой в районе начали свою работу еще пять школьных служб примирения в МАОУ Лицей № 13, МКОУ Жеребцовская ООШ № 39, МКОУ Каменская СОШ № 44, МБОУ Боровская СШ № 84, МБОУ Ленинская школа № 47 [4, с. 374]. К концу 2020 г. были созданы школьные службы примирения в МБОУ Верх-Тулинская СОШ № 14, МБОУ Раздольненская школа № 19, МБОУ СОШ № 165 имени В. А. Бердышева, МКОУ Богословская основная общеобразовательная школа, МБОУ СОШ № 3 Барабинского района и др.

С целью поддержки и развития школьных служб примирения в Новосибирской области силами МОО «Социальное партнерство», ЦДиК «Янтарь», Уполномоченного по правам ребенка в Новосибирской области и Института социальных технологий ФГБОУ ВО «НГТУ НЭТИ» организуются семинары, обучение, тренинги, конференции для учащихся, педагогов и родителей по вопросам деятельности школьных служб примирения. А с 2019 г. был учрежден и проводится конкурс юных медиаторов/ведущих школьных служб примирения Новосибирской области. Этот конкурс направлен на поддержку деятельности школьных служб примирения в Новосибирской области посредством стимулирования интереса учащихся и педагогов к использованию мирных и конструктивных способов разрешения конфликтов в молодежной среде на основе восстановительного подхода.

Конкурсный механизм является актуальным и востребованным инструментом развития и поддержки школьных служб примирения, так как «представляет собой специфическое коллективное действие, смысл которого состоит в сравнении деятельности и/или качеств конкурсантов для их оценивания» [1, с. 115], что стимулирует стремление учащихся к совершенствованию и популяризации практик мирного разрешения конфликтов в рамках деятельности школьных служб примирения.

Конкурсы являются одной из важных форм организации воспитательной и образовательной деятельности. Они направлены на выявление способностей личности, на формирование умений презентовать свою деятельность, идти к цели. Конкурс стимулирует активность личности, позволяет расширить сферу ее интересов. Все эти факторы очень важны для современных школьников, так как подростковый возраст — это время самоутверждения, поиска себя, желаниия быть лидером, стремления к взрослости. Подростку важно понимать хорошо ли он преуспевает в какой-либо деятельности, особенно в сравнении со сверстниками. Эту особенность психологии подростков можно использовать для вовлечения учащихся в организацию и развитие школьных служб примирения. Кроме того, конкурс позволяет выявить сильные и слабые стороны участников. Особенно полезны в этом смысле конкурсы, где жюри не просто выставляет оценки, но проводит «разбор полетов». Каждый участник в этом случае получает квалифицированную консультацию, в каком направлении ему двигаться дальше и как использовать с максимальной эффективностью свои данные. Безусловно, для развития компетенций юных медиаторов и становления школьных служб примирения эти особенности конкурсного механизма очень важны и актуальны.

Следует отметить, что на сегодняшний день изучение потенциала конкурса как инструмента развития организационных форм формирования конфликтной компетентности подростков практически не представлена ни в теории конфликтологии, ни в результатах эмпирических исследований. Учитывая данный факт, в рамках предмета выпускной квалификационной работы особый интерес представляет эмпирическое изучение конкурса как инструмента формирования конфликтной компетентности у подростков на примере Конкурса юных медиаторов/ведущих школьных служб примирения. Для проведения исследования была разработана программа эмпирического исследования, организован и осуществлен сбор эмпирической информации, которая была проанализирована и интерпретирована в соответствии с целью и задачами исследования.

Как отмечалось выше, в Новосибирской области в рамках содействия развитию школьных служб примирения и вовлечению в их деятельность учащихся, с 2019 г. проводится Конкурс юных медиаторов/ведущих школьных служб примирения, который проходит в период с января по июнь. В рамках статьи был проанализирован опыт организации и проведения этого конкурса. В результате обобщения и систематизации информации об организационных и содержательных аспектах конкурса мы установили, что Конкурс юных медиаторов/ведущих школьных служб примирения ежегодно (с 2019 г.) расширяет географию и аудиторию участников. Так, в 2019 г. в конкурсе участвовали три школы Новосибирского района Новосибирской области (4 участника), в 2020 г. — 3 школы Новосибирского сельского и 1 школа из Усть-Таркского района Новосибирской области (10 участников), в 2021 г. — 10 школ из Новосибирского, Болотнинского, Барабинского, Усть-Таркского, Чановского районов (13 участников), в 2022 г. — 16 школ из Новосибир-

ского, Болотнинского, Барабинского, Усть-Таркского, Карасукского, Куйбышевского районов и из г. Искитим (19 участников). При этом следует отметить, что к участию в конкурсе допускаются юные медиаторы и кураторы действующих школьных служб примирения Новосибирской области, имеющие опыт завершения не менее чем четырех примирительных программ за прошедший год.

Механизм реализации конкурса включает три этапа: подготовительный, основной и заключительный. На подготовительном этапе организаторы конкурса разрабатывают и утверждают Положение о конкурсе, формируют экспертную комиссию (жюри), готовят и рассылают информационные материалы и письма-приглашения в школы Новосибирской области.

На основном этапе организуются и проводятся очный и заочный туры конкурса. Заочный тур конкурса включает подготовку участниками конкурсных материалов (заявка, эссе, описание опыта работы школьной службы примирения) и представление их в конкурсную комиссию в электронном виде. На очный тур отбираются конкурсанты, получившие наибольшее количество баллов в заочном туре. Очный тур предполагает демонстрацию участниками индивидуальной встречи со сторонами конфликта по заданной ситуации, а также участие в викторине. По сумме баллов, полученных участниками в заочном и очном турах, определяются победители конкурса, которые награждаются дипломами победителей первой, второй и третьей степени и ценными призами.

На заключительном этапе победители конкурса в Новосибирской области проходят подготовку и направляются на межрегиональный конкурс юных медиаторов школьных служб примирения, который проходит в г. Москва. Следует отметить, что победители регионального конкурса успешно представляют Новосибирскую область на межрегиональном конкурсе юных медиаторов в г. Москва. Так, в 2019 г. участник из Новосибирской области занял третье место, в 2020 г. представители Новосибирской области завоевали первое и второе места, а в 2021 г. — первое, второе и третье места.

Ежегодный мониторинг деятельности школьных служб примирения и анализ обратной связи с кураторами и медиаторами школьных служб примирения, показывают, что конкурс юных медиаторов в совокупности с другими формами и инструментами поддержки молодежных инициатив в Новосибирской области стимулирует развития школьных служб примирения, за счет реализации конкурсного механизма обмена опытом, лучшими практиками и мастерством юных медиаторов/ведущих школьных служб примирения. В этой связи следует отметить, что в 2021 г. проект по реализации конкурса юных медиаторов/ведущих школьных служб примирения был поддержан Министерством образования Новосибирской области и Агентством поддержки молодежных инициатив и обеспечен финансированием на 2022 г. как перспективный и актуальный для развития культуры мира в молодежной среде, в том числе профилактики конфликтов, буллинга и правонарушений в школе.

Список использованной литературы

1. Артеменко З. В. Азбука форм воспитательной работы / З. В. Артеменко. — Москва : Дом печати, 2020. — 315 с.
2. Коновалов А. Ю. Школьные службы примирения / А. Ю. Коновалов. — URL: <https://www.8-926-145-87-01.ru> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Драганова О. А. Организация службы примирения (медиации) в системе образования : учеб.-метод. пособие / О. А. Драганова, Н. Н. Калугина. — 2-е изд., испр. и доп. — Липецк : ООО «Веда социум», 2017. — 68 с.
4. Черняева Е. Г. Опыт развития муниципальной сети служб примирения/медиации в Новосибирском районе Новосибирской области / Е. Г. Черняева // Всероссийское совещание школьных служб примирения и медиации : сб. материалов / под ред. Н. В. Гордийчука. — Москва : Изд-во ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2020. — С. 371–378.

Информация об авторах

Мозговая Татьяна Павловна — старший преподаватель кафедры Социальной работы и социальной антропологии, Новосибирских государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: tati-ana26@yandex.ru.

Притула Дарья Алексеевна — студент, кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: pritulada@gmail.com.

Authors

Mozgovaya Tatiana Pavlovna — Senior Lecturer, Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: tatiana26@yandex.ru.

Pritula Darya Alekseevna — Student, Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: pritulada@gmail.com.

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ

Аннотация. Рассматриваются авторские подходы к определению внутриличностного конфликта, осуществляется анализ подходов в изучении составных элементов и причин. Также анализируются виды внутриличностного конфликта по категориям временным, его проявления, последствия внутриличностного конфликта для личностных и профессиональных сфер и методы работы. Рассматривается категория внутриличностных конфликтов, которая объединяет психологические конфликты, состоящие в столкновении различных личностных явлений (мотивов, целей, интересов и т. д.), представленных в сознании индивида соответствующими фрустрирующими переживаниями. Описываются пять этапов психологической работы по устранению внутриличностного противоречия.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт; определение; подходы; проявление; методы работы; последствия; способы разрешения

S. M. Borovskikh

INTRAPERSONAL CONFLICTS: MANIFESTATIONS AND OVERCOMING

Abstract. The author's approaches to the definition of intrapersonal conflict are considered, the analysis of approaches in the study of constituent elements and causes is carried out. The types of intrapersonal conflict by temporary categories, its manifestations, the consequences of intrapersonal conflict for personal and professional spheres and methods of work are also analyzed. The category of intrapersonal conflicts is considered, which unites psychological conflicts consisting in the collision of various personal phenomena (motives, goals, interests, etc.), represented in the individual's consciousness by corresponding frustrating experiences. Five stages of psychological work on elimination of intrapersonal contradiction are described.

Keywords: intrapersonal conflict; definition; approaches; manifestation; methods of work; consequences; ways of resolution

Актуальность темы заключается в том, что внутриличностные конфликты продолжают изучаться и поиск методов разрешения таких конфликтов все еще идет. Внутриличностный конфликт остается одним из наиболее сложных исследовательских явлений в психологической науке, несмотря на то что такие науки, как конфликтология, психология, социология активно развиваются и продолжают изучать изменчивость всех процессов, происходящих как в обществе, так и внутри психики каждого отдельного человека.

Внутренний конфликт в психологии — это сложное многогранное явление. Психологи этому явлению дают название — когнитивный диссонанс. Это угнетенное состояние индивида, вызванное противоречием нескольких убеждений, мыслей, желаний. Например, когда честный человек решается на кражу.

Люди называют это чувство муками совести. По сути, это и есть внутренний конфликт [1, с. 55].

В настоящее время в психологии доминирует мнение, что категория внутриличностных конфликтов объединяет психологические конфликты, состоящие в столкновении различных личностных явлений (мотивов, целей, интересов и т. д.), представленных в сознании индивида соответствующими фрустрирующими переживаниями. Для описания конфликтов этого вида в психологии используются такие понятия, как интрапсихические, внутренние, личностные, внутриличностные, интрасубъектные, персональные или психологические. Все эти термины употребляются как синонимы [1].

Отечественные исследователи (например, Н. В. Гришин, Ф. Е. Василюк, А. С. Кармин и др.) все концепции, описывающие механизм внутриличностного конфликта, разделяют в зависимости от предмета столкновения (или по критерию связи с внешней средой): интрапсихические, ситуативные и когнитивистские.

Психодинамические (интрапсихические) концепции представлены в теориях З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма и опираются на биопсихическую основу индивида.

Ситуационные подходы представлены в работах бихевиориста Д. Скинера, необихевиористов Н. Миллера, Дж. Долларда и опираются на представление конфликта как реакции на внешнее стечение обстоятельств.

Когнитивистские концепции в работах А. Маслоу, К. Левина основываются на понимании конфликта как познавательного феномена.

Специфика внутриличностного конфликта состоит в следующем:

1. Субъекты конфликтного противостояния как таковые в лице отдельных личностей или групп отсутствуют. А сторонами конфликта являются различные внутриличностные образования.

2. Такой конфликт является очень специфичным, по сравнению с межличностным, поскольку отличается формой протекания и проявления. Он проходит в форме тяжелых переживаний, сопровождается специфическими состояниями страха, депрессии, стресса, может вылиться в невроз или психоз.

3. Латентность протекания как для окружения, так зачастую и для самого индивида [5].

Внутриличностные конфликты можно разделить на две группы, исходя из природы противоречий, которые лежат в основе конфликта:

– результат перехода объективных противоречий во внутренний мир человека (моральные, адаптационные конфликты);

– возникающие из противоречий внутреннего мира личности как выражение отношения личности к окружающей среде (мотивационные конфликты, неадекватная самооценка).

Широкую известность получила концепция внутриличностного конфликта Абрахама Маслоу (1908–1968) — одного из ведущих представителей гуманистической психологии. По Маслоу, причиной внутриличностного конфликта всего общества является нереализованная самоактуализация каждой индивидуальной личности.

Когда человек, придерживающийся определенных убеждений, начинает идти им в разрез, у него возникает чувство внутреннего дискомфорта и противоречия. Психологический дискомфорт может доставлять глубокие страдания. Не все готовы обратиться к специалисту, но своими силами избавиться от них удастся не всем и не всегда.

В зависимости от степени тяжести, вида и значимости для индивида проблемы, симптомы могут изменяться. В одних случаях личность старается занять себя делами и отвлечься: навести чистоту дома, активно потрудиться на работе, отправиться на прогулку или заняться любимым делом. В других — наблюдается апатия, упадок сил, отсутствие мотивации что-либо делать, бессонница. Это наиболее распространенная реакция на когнитивный диссонанс. Когда индивид не может сделать какой-либо выбор, понять, простить себя, его преследуют навязчивые неприятные мысли, которые могут восприниматься, например, как муки совести, появляется тревога. Люди в таком состоянии становятся рассеянными, невнимательными, плохо сосредотачиваются и запоминают какие-либо вещи. Их мысли заняты, нагружены: ум постоянно ищет выход из сложившейся ситуации, натывается на разногласия между чувствами и разумом, ходит по кругу. Причины этой и других психологических проблем всегда уходят корнями в детство.

Родители воспитывают детей, внушая им установки, которые во взрослом возрасте могут оказаться непригодными в жизни. Но программа уже есть и пойти против нее значит наткнуться на противоречия внутри себя.

Очень часто причиной возникновения противоречий служат религиозные убеждения. Например, согрешивший и раскаивающийся верующий. Религия диктует строгие правила: посты, воздержание от греховных поступков и помыслов, что иногда противоречит естественным жизненным биологическим процессам.

Собственные убеждения, установки, поставленные рамки также создают внутренний конфликт личности. Он может тянуться годами, вызывая постоянный дискомфорт, вплоть до нервного истощения.

Если разбираться в глубинных процессах, внутриличностный конфликт возникает на почве невозможности осуществить желаемое, т. е. возникает чувство фрустрации. Только во внутриличностном конфликте преградой на пути служат не внешние обстоятельства, а внутренние.

Длительный внутренний конфликт личности может нести разрушительное действие. Люди, которые долгое время не могут разрешить внутренние конфликты, становятся агрессивными или, наоборот, податливыми, безвольными, безучастными, отказываясь принимать решения, делать выбор: все кажется безразличным. Такие личности склонны искать виновных во всем, даже в мелочах. Они могут обвинять других, не желая или не находя в себе сил найти причину внутри себя. Длительные внутриличностные переживания приводят к фрустрации. Это психологическое состояние, которое спровоцировано непреодолимыми противоречиями, обычно воспринимается человеком как неприятное чувство.

Психологи также отмечают, что, помимо отрицательных сторон, внутренний конфликт может иметь положительные. К ним относят мобилизацию сил, опыт в разрешении собственных кризисов, преодоление и принятие ситуации. Когда человек сам или по своему желанию с помощью специалиста разбирается со своими противоречиями, он набирается опыта, познает себя [4, с. 120].

Когда внутри постоянно идут противоречия, индивид не может найти равновесие, гармонию. Разум постоянно приводит доводы в пользу одного или другого, но до конца преодолеть противоречия не выходит. На фоне нервных заболеваний появляются настоящие серьезные физиологические отклонения. Например, нервозность и агрессивность в первую очередь бьют по желудку: возникает гастрит или язва [2, с. 210].

Психологическая работа по устранению внутриличностного противоречия — процесс, требующий вдумчивости и усердия. Он проводится в пять этапов:

1. Осознание проблемы, ее принятие.

2. Выявление причин, глубокий анализ.

3. Трудности разбирают на отдельные элементы. Процесс похож на медленное распутывание запутанной нити.

4. Далее идет работа над каждым аспектом в отдельности. Человек должен понять, какая часть внутреннего конфликта все же должна одержать победу. Это непросто сделать самостоятельно.

5. Работа над убеждениями. Пример: угрызения совести — это гнетущее чувство, от которого необходимо избавиться. Нужно помнить, все люди ошибаются [6].

Так, одно за другим индивид должен положить на весы каждое свое убеждение и понять, что ситуации бывают разными, но все это — лишь ситуации, которые реально разрешить своими силами или с помощью специалиста.

Таким образом, внутренним или внутриличностным конфликтом можно назвать сложное многогранное явление, которое вызвано противоречием нескольких убеждений, мыслей, желаний, чаще всего вызывающее негативное состояние индивида. Внутриличностный конфликт и по сей день остается одним из особо сложных явлений, которому уделяется большое внимание в науке.

Список использованной литературы

1. Бройтигам В. Психосоматическая медицина : учебник / В. Бройтигам, П. Кристиан. — Москва : ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. — 369 с.
2. Вишневская А. В. Конфликтология : курс лекций / А. В. Вишневская. — Москва, 2003. — 369 с.
3. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии / С. М. Емельянов. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — 378 с.
4. Обухова Л. Ф. Детская возрастная психология : учебник / Л. Ф. Обухова. — Москва : Российское педагогическое агентство, 1996. — 325 с.

5. Толковый словарь по аналитической психологии / В. В. Зеленский. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Когито-Центр, 2008. — 334 с.

6. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта / Е. Б. Фанталова. — Самара : БАХРАХ-М, 2001. — 128 с.

Информация об авторе

Боровских София Михайловна — Педагог-психолог, МБОУ Центр образования № 10, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: borovskih.sofia@mail.ru.

Author

Borovskikh Sofia Mikhailovna — Teacher-psychologist, MBOU TSO № 10, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: borovskih.sofia@mail.ru.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ
И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ**

Аннотация. В статье анализируется понятие «конфликтность» в подростковом возрасте. Описываются факторы и особенности конфликтного поведения в подростковом возрасте. Для профилактики конфликтного поведения в подростковом возрасте был рассмотрен такой инструмент, как копинг-стратегии. Делается заключение о том, что целенаправленная профилактическая деятельность психологов и педагогов должна быть направлена на создание психологических условий, благоприятных для развития подростков, что позволит значительно снизить их потенциальную конфликтность. Отмечается, что подавляющее большинство подростков могут по-разному проявлять конфликтное поведение (гнев, враждебность, непонимание других и пр.). Применение копинг-стратегий является эффективным инструментом профилактики конфликтного поведения в подростковом возрасте.

Ключевые слова: конфликтное поведение; подростковый возраст; профилактика; копинг

**I. S. Karpikova,
V. V. Artamonova****FEATURES OF MANIFESTATIONS OF CONFLICT BEHAVIOR
IN ADOLESCENTS AND THE POSSIBILITIES OF ITS PREVENTION**

Abstract. The article analyzes the concept of «conflict» in adolescence. The factors of conflict behavior in adolescence, as well as the features of conflict behavior are described. For the prevention of conflict behavior in adolescence, such a tool as coping strategies was considered. It is concluded that the targeted preventive activities of psychologists and teachers should be aimed at creating psychological conditions favorable for the development of adolescents, which will significantly reduce their potential conflict. It is noted that the vast majority of adolescents can manifest conflict behavior in different ways (anger, hostility, misunderstanding of others, etc.). The use of coping strategies is an effective tool for preventing conflict behavior in adolescence.

Keywords: conflict behavior; adolescence; prevention; coping

Подростковый возраст интерпретируется специалистами психологии и педагогики как период окончания детства и начала формирования личностного «Я». Подростковый возраст является периодом развития, становления личности, характеризуется переориентацией жизненных установок. Поэтому феномен правильных жизненных установок нередко идет вразрез жизненным

обстоятельствам подростков, способствуя проявлению конфликтного поведения в этом возрасте. Подростковая среда характеризуется высоким уровнем конфликтогенности, а подавляющее большинство подростков и взрослых не имеют достаточных знаний, умений, навыков, способствующих предупреждению и конструктивному разрешению конфликтов, что обуславливает угрозу снижения эффективности взаимодействия подростков со сверстниками и взрослыми.

В психологии конфликт понимается как «столкновение разнонаправленных, несовместимых тенденций в сознании отдельного индивида, в межличностных отношениях отдельных лиц или групп людей, связанных с острыми негативными эмоциональными переживаниями» [1, с. 29]. «Конфликтность — это системное сложное свойство личности, включающее в себя комплекс психических свойств: неадекватную самооценку своих возможностей и способностей; статичность мышления, взглядов, убеждений; нежелание воспринимать факты, отличные от субъективного мнения; чрезмерную принципиальность и прямолинейность в высказываниях и суждениях; определенный набор эмоциональных качеств личности, таких как тревожность, агрессивность, упрямство, раздражительность» [1, с. 30].

Многие конфликты являются следствием противоречий, возникающих между завышенной самооценкой и не соответствующим ей реальным положением подростка в группе сверстников. Подростки с экстернальным локусом контроля будут обвинять других людей или обстоятельства в конфликтной ситуации.

Конфликтность подростка предполагает определенный уровень психического напряжения. «Конфликтность личности подростка определяется следующей совокупностью факторов:

- психологическими: темперамент, уровень агрессивности, эмоциональное состояние (тревожность) и др.;
- социально-психологическими: социальные установки и ценности, отношение к оппоненту, направленность в взаимодействие, компетентность в общении, интеллект, основные тенденции поведения;
- социальными: условия жизни и труда, возможности отдыха, социальная среда, общий уровень культуры, возможности удовлетворения потребностей и др.» [1, с. 30].

«Эти факторы порождают объективные причины конфликтов в сложной системе взаимоотношений. Поэтому можно предположить, что коммуникативная, учебная, трудовая и любая другая деятельность сама по себе может стать источником внутриличностного конфликта, если цели и задачи этой деятельности характеризуются ярко выраженной субъективной значимостью. Именно неудачи в этом виде деятельности чаще всего вызывают внутриличностные конфликты, разрешить которые позволяет обучение подростков навыкам конструктивного, толерантного общения» [2, с. 62].

Таким образом, подростковый возраст является кризисным периодом в жизни подростка, которому характерны агрессивность, конфликтность, возникновение чувства взрослости, развитие самосознания, идентичности и половой идентичности как основной ее характеристики, изменение самооценки и уровня

притязаний подростка. Зарубежными и отечественными учеными на достаточном уровне изучены и обоснованы причины конфликтов, особенности их проявлений в подростковой среде (между детьми подросткового возраста и сверстниками или взрослыми). Однако анализ одной из актуальных проблем особенностей проявления конфликтного поведения в подростковой среде показал, что на современном этапе профилактическая деятельность практических психологов и педагогов по прогнозированию и предупреждению данного явления не считается достаточно эффективной. Поэтому психологам и педагогам важно направлять усилия на совершенствование системы мер, направленных на охрану психологического здоровья подростков; предупреждение неблагополучия в развитии учащихся; создание психологических условий, благоприятных для этого развития [4].

Основные возможности профилактики проявлений конфликтного поведения в подростковом возрасте в образовательной среде можно разделить на два направления — копинг по активному и пассивному типам.

Копинг по активному типу предполагает наличие жизнестойкости у подростка. Под жизнестойкостью понимается «активное, здоровое преодоление конфликтной ситуации, повышающее стрессоустойчивость личности, конфликтность, основанная на вовлеченности в ситуацию, желании подчиниться ей (контроль над ситуацией), способности смело решать проблемы, которые ставит жизнь (принятие риска), актуализирующее поисковое поведение и потенциал самореализации личности» [3].

Копинг по пассивному типу чаще сопровождается инфантилизмом, стремлением к адаптации в окружающей среде с использованием неконструктивных стратегий, затрудняющих и задерживающих преодоление трудных жизненных ситуаций. Данная стратегия поведения отрицательно влияет на развитие подростка, формирует в нем негативное отношение к окружающим людям, к обществу, формирует озлобленность к окружающим, агрессию и многие другие особенности характера.

В зависимости от ситуации подросток самостоятельно выбирает стратегию разрешения проблем, трудностей. Одним из наиболее проблемных вопросов при выборе стратегии является оценка ее эффективности. Различные копинг-стратегии могут быть результативны в одной ситуации и неэффективны в другой. Использование нескольких копинг-стратегий, как отмечают авторы, более эффективно для разрешения конфликтной ситуации [5].

Одной из наиболее значимых копинг-стратегий для профилактики конфликтного поведения в подростковой среде является поиск социальной поддержки. Социальная поддержка в целом благоприятно сказывается на благополучии подростка, сохраняя тем самым его психологическое здоровье. Однако такая стратегия, помимо положительного эффекта, может быть и отрицательной, если подростку оказывается чрезмерная, неадекватная поддержка, которая может привести к потере контроля и чувству беспомощности у подростка.

Для профилактики конфликтного поведения в подростковом возрасте образовательные учреждения нередко используют программы поддержки подрост-

ков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Психологическое сопровождение — комплекс психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий, ориентированный на повышение социально-психологической компетентности людей и оказание психологической помощи как отдельному человеку, так и группе людей или организации. Это непосредственная работа с человеком, направленная на решение различного рода психологических проблем, связанных с трудностями в межличностных отношениях, а также глубокими личностными проблемами.

Программы поддержки подростков, ориентированные на профилактику конфликтного поведения, как правило, направлены на решение следующих задач [5]: 1) формирование навыков совладающего поведения; 2) обучение подростков эффективным копинг-стратегиям; 3) повышение адаптационного потенциала личности; 4) снижение уровня личностной и ситуативной тревожности, агрессивности.

Анализ проблемы проявлений конфликтного поведения в подростковом возрасте свидетельствует о том, что конфликт в подростковом возрасте является сложным по своему структурному строению социально-психологическим явлением, основными составляющими которого являются конфликтующие стороны, предмет конфликта, условия его течения.

Основными стадиями процесса конфликта являются: 1) возникновение объективной конфликтной ситуации; 2) ее осознание, что всегда эмоционально окрашено; 3) осуществление конфликтного поведения; 4) разрешение конфликта. Конфликты бывают очень разнообразными и их можно классифицировать по разным признакам.

Возникновение конфликтов в подростковой среде имеет объективные предпосылки, вызванные особенностями возрастного развития. В межличностных взаимоотношениях подростков имеют место три основных вида конфликтов: в кругу семьи; в учебной деятельности, с педагогами; в общении, с сверстниками. Подростковый возраст характеризуется повышенной возбудимостью детей, присущими им конфликтностью и агрессивностью.

Целенаправленная профилактическая деятельность психологов, педагогов должна быть направлена на создание психологических условий, благоприятных для развития подростков, что позволит значительно снизить их потенциальную конфликтность. Таким образом, подавляющее большинство подростков могут по-разному проявлять конфликтное поведение (гнев, враждебность, непонимание других и пр.). Применение копинг-стратегий является эффективным инструментом профилактики конфликтного поведения в подростковом возрасте.

Список использованной литературы

1. Khamidovna M. I. The psychology of adolescent conflicts in society / M. I. Khamidovna, O. Khudayberganov // *Yosh Tadqiqotchi Jurnal*. — 2022. — Vol. 1 (1). — PP. 29–33.

2. Ларионова Н. А. Психологические аспекты подростковых конфликтов / Н. А. Ларионова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2021. — № 2. — С. 61–64.

3. Сальникова А. И. Опыт работы с подростками, находящимися в трудной жизненной ситуации / А. И. Сальникова, К. С. Шалагинова // Международный студенческий научный вестник. — 2018. — № 1. — С. 95.

4. Шалагинова К. С. Психолого-педагогическая поддержка подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации в контексте превентивной деятельности по предупреждению школьного насилия / К. С. Шалагинова // Мир педагогики и психологии. — 2018. — № 5 (22). — С. 71–82.

5. Шалагинова К. С. Особенности копинг-стратегий подростков, находящихся в трудных жизненных ситуациях / К. С. Шалагина, Е. А. Корниенко // Вестник практической психологии образования. — 2015. — № 4 (45). — С. 36–40.

Информация об авторах

Карпикова Ирина Серафимовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ikarpikova@mail.ru.

Артамонова Виктория Владимировна — старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: viktoria.v.artamonova@yandex.ru.

Authors

Karpikova Irina Serafimovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: ikarpikova@mail.ru.

Artamonova Viktoriia Vladimirovna — Senior Lecturer, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: viktoria.v.artamonova@yandex.ru.

РАЗДЕЛ 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ, СКЛОННЫМИ К ДЕСТРУКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

УДК 159.923.2

**М. Н. Галстян,
Т. И. Никулина,
Ж. А. Терпугова**

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ И ПРОФЕССИОГЕНЕЗА ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Аннотация. Решается задача поиска эффективных способов профессиональной деятельности практических психологов с учетом специфики работы и особенностей взаимодействия с субъектами образовательной среды. Представлена взаимосвязь повышения эффективности деятельности и профессиогенеза, как показателей результатов снижения деструктивного поведения у учащихся.

Приводятся результаты влияния профессионально важных качеств практических психологов на психологическую составляющую самосознания и поведения учащихся, значимости профессиогенеза и ценностей личности и группы.

Результаты исследования позволяют предположить, что активная жизненная позиция личности практического психолога, осознание своего социального статуса и связанного с ним ролевого поведения как формы реализации индивидуальных возможностей личности способствует снижению внутригрупповой и личностной напряженности и повышению результатов профессиональных задач.

Ключевые слова: профессионально важные качества; практический психолог; психологические различия; профессиогенез

**M. N. Galstyan,
T. I. Nikulina,
Zh. A. Terpugova**

INTERRELATION OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES AND PROFESSIOGENESIS OF PRACTICAL PSYCHOLOGISTS

Abstract. The problem of finding effective ways of professional activity of practical psychologists is being solved, taking into account the specifics of work and the peculiarities of interaction with the subjects of the educational environment. The relationship between increasing the efficiency of activity and profессиogenesis, as indicators of the results of reducing destructive behavior among students, is presented.

The results of the influence of professionally important qualities of practical psychologists on the psychological component of self-awareness and behavior of students, in a team, the formation, the core of the significance of profессиogenesis and the values of an individual and a group are given.

The results of the study suggest that the active life position of the personality of a practical psychologist, awareness of one's social status and the role behavior associated with it as a form of realization of the individual's abilities helps to reduce intra-group and personal tension and increase the results of professional tasks.

Keywords: professionally important qualities; practical psychologist; psychological differences; professiogenesis

В настоящее время изучение психологических особенностей профессионально важных качеств практических психологов представляет собой особую задачу. В процессе консультирования, психотерапии, коррекции психологи постоянно нуждаются в контроле своих профессионально важных качеств, таких как аналитический ум, ответственность, аккуратность, интуитивность, отличная моторика рук, стрессоустойчивость, умение прогнозировать результаты своих действий.

В последние годы интерес к проблемам психологического обеспечения деятельности самих практических психологов доказал свою актуальность. Считается, что в работе с клиентами психологи могут переживать психотравмирующий стресс, нервное переутомление, которые могут привести не только к конфликтам с коллегами, но и к психосоматическим заболеваниям.

На основе анализа теоретических источников было выявлено, что технология изучения психологических особенностей формирования профессионально важных качеств требует дальнейшего развития и совершенствования. Существует также необходимость уточнения индивидуально-психологических особенностей, детерминирующих поведение психологов в особых условиях профессиональной деятельности.

В работе поставлена задача изучения психологических особенностей формирования профессионально важных качеств практических психологов в процессе профессиогенеза, которая реализовывалась в анализе условий формирования психологических особенностей профессиональной деятельности практических психологов, определении психологических факторов и условий профессиональной деятельности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концептуальные положения о прогнозировании успешности профессиональной деятельности специалистов психологических профессий В. Бодрова, а также теории о психологической готовности личности к деятельности в особых психологических условиях А. Б. Леонова [3].

Основными методами исследования явились: теоретические методы — анализ для определения сущности основных понятий исследования, его теоретико-методологической базы, выяснение особенностей профессиональной деятельности практических психологов; эмпирические методы — наблюдение, беседа, анкетирование для сбора и анализа информации о психологических особенностях качеств практических психологов в различных по сложности ситуациях консультирования, коррекции и профилактики отклоняющегося поведения; психодиагностические методы — для получения количественно-качественных показателей особенностей проявления индивидуально-психологических

свойств, исследуемых опросником «Ценностные ориентации» М. Рокича, цветовым тестом М. Люшера, «Самооценкой стрессоустойчивости личности» Холмса и Раге, «Методикой выявления уровня усталости и стресса» П. Фишера, личностным опросником «Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера-Ю. Ханина», методикой «Тенденция к рисковому поведению»; методы статистики — описательная статистика и сравнительный анализ.

Исследование было проведено в течение 2019–2020 гг. В группу исследуемых вошли практические психологи региона Иркутской области. Всего к исследованию было привлечено 34 чел., в возрасте от 23 до 60 лет.

Важным фактором, определяющим требования современной деятельности к специалисту, являются изменения, произошедшие в социально-экономической сфере, когда резко обострилась конкуренция, увеличились риски и противоречия в области образования и потребления образовательных услуг.

Под основными определяющими компонентами профессиональной пригодности Н. А. Коростелева рассматривает профессионально важные качества (далее — ПВК). Под ПВК автор рассматривает способности человека к профессиональной деятельности в широком смысле этого слова. Профессиональная пригодность практического психолога зависит не столько от совокупности начальных ПВК, сколько от их структуры. К профессионально-важным качествам практического психолога относят: природные данные (задатки); профессиональные знания, навыки и компетентности, которые получают в процессе профессионального обучения и самоподготовки; индивидуальные психологические особенности (ИПО) будущих специалистов (мотивация, направленность, характер); психофизиологические особенности (темперамент, особенности высшей нервной деятельности); особенности психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, воображение); в некоторых видах деятельности — анатомо-физиологические характеристики [2].

Е. О. Тарасова приводит другие перечни профессионально важных качеств практических психологов и их элементов: общественные качества как уровень идейных нравственных ценностей человека как члена коллектива, общества; отношение к труду, профессии, а также интересы и склонности к данной сфере деятельности; дееспособность, которая образуется качествами, важными во многих и разных видах деятельности (широта ума, его глубина, гибкость и др.); отдельные, конкретные, специальные способности, которые считаются важными для данной работы; навыки, привычки, знания, опыт [5].

Тарасова приводит и другую классификацию профессионально-важных качеств практического психолога в профессионализме: природные (физиологические) способности; социально-психологические потребности; профессионализм; организационные способности; управленческие способности.

Профессионализм практических психологов, становление личности как профессионала, развитие и совершенствование профессионально-важных качеств специалиста в этой области — это все является непременно как самостоятельным достижением отдельного специалиста, так и общим организационным достижением.

В обобщенном виде профессиогенез практического психолога как субъекта профессиональной деятельности можно представить следующим образом:

- редпрофессиональное развитие (от рождения до 12 лет);
- развитие при выборе профессии (с 11–12 до 14–18 лет);
- развитие в период профессиональной подготовки и дальнейшего становления профессионала, включающий следующие стадии: 1) профессионального обучения (с 15–18 или 19–23 лет); 2) профессиональной адаптации (с 19–21 или 24–27 лет); 3) развития профессионала (с 21–27 до 45–50 лет); 4) реализация профессионала (с 45–50 до 60–65 лет); 5) профессионального спада (с 61–66 и более лет).

Своеобразным прологом к профессионализму является процесс адаптационного вхождения в профессиональную деятельность, включающий:

- формирование мотивации;
- профессиональное самоопределение;
- овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями;
- развитие профессионально важных качеств, что соответствует стадии профессионального обучения в профессиогенезе личности [4].

Таким образом, понятие «профессиогенеза» практического психолога следует рассматривать как непрерывный процесс становления: специалиста, который начинается с момента выбора будущей профессии и заканчивается тогда, когда специалист прекращает активную профессиональную деятельность, т. е. результатом профессиогенеза является достигнутый уровень профессионализма. При этом адаптационное вхождение является ключевым звеном профессиогенеза, что предопределяет успешность подготовки личности практического психолога к выполнению конкретных профессиональных функций.

В данном исследовании выяснялись психологические факторы, которые лежат в основе выполнения профессиональных задач практическими психологами и основные психологические проблемы, которые негативно влияют на успешность их деятельности.

Метод анкетирования позволил выявить, что практические психологи в процессе выполнения задач проживают три стадии профессионального страха — стадию тревоги, стадию сопротивления, стадию истощения. Стадия тревоги является непродолжительной по времени для всех категорий исследуемых лиц и находится в пределах $4,83 \pm 2,27$ (при $p < 0,05$). Стадия сопротивления при активном противостоянии страху перевозбуждение проходит, а сам психолог начинает либо активно бороться со стрессором, либо же адаптируется к нему. На этой стадии трудоспособность повышалась и находилась в пределах: $2,13 \pm 0,31$ (при $p < 0,05$). В этом случае В.А. Бодров подчеркивает, что, если влияние стрессора было преодолено или же произошло привыкание к нему, уровень стресса либо снижается до базового, либо же остается в виде остаточного стресса, который может оказаться за определенными неприятными воспоминаниями или другими обстоятельствами [1].

3. Стадия истощения имела место тогда, когда практический психолог, подвергшийся воздействию стресса в работе с клиентом, был неспособен противостоять стрессору. При таких условиях работоспособность резко снижалась и

могла достичь нулевой отметки. Под воздействием стресса у такого психолога могли даже возникнуть разного рода соматические заболевания. Стадия истощения прослеживалась наиболее выражено — $14,72 \pm 4,10$ (при $p < 0,05$), а степень склонности к стрессу был достаточно высок.

Из беседы и анкетирования было установлено, что практические психологи, впервые оказавшиеся в реальной практической работе с клиентом, могут легко оказаться жертвами профессиональной усталости, так как, по словам 57 % практических психологов, они часто испытывали сильное возбуждение. По нашему мнению, эти просчеты можно свести к минимуму, обеспечив серьезную, эмоциональную проработку в рамках профилактики, однако устранить их полностью невозможно в силу специфики деятельности.

Стрессогенными психологи называют ситуации в сфере взаимоотношений с педагогическим коллективом. Однако доверия коллег оценено в 80,5 баллов. Такая высокая оценка, очевидно, объясняется тем, что в условиях характерного для педагогического коллектива плотного графика работы именно коллеги являются опорой. В то же время проблемы, связанные с «перегруженностью работой» (35,4), «изменением объема обязанностей практического психолога» (31,7), «сверхурочными консультациями» (23,6), не оказывают значительного негативного воздействия на психическое состояние психологов.

Для определения дифференцированного подхода к оценке стрессогенности внешней среды психологам, имеющим практический опыт, предлагали выделить пять, на их взгляд, наиболее стрессогенных ситуаций, возможных в ходе выполнения профессиональных задач. Из представленных тревожных ситуаций три группы ответов относятся к проблемам присоединения к клиентским ситуациям и две — к вопросам взаимоотношений с коллегами и родителями.

Из результатов исследования выяснилось, что на эффективность деятельности практического психолога существенное влияние оказывает эмоциональная окраска психологических реакций клиентов. Однако психоэмоциональное напряжение не превышает пределы нормы, а профессиональные действия практического психолога являются активными и позитивно направленными.

Прямой зависимости между уровнем психоэмоционального напряжения и эффективностью психологической деятельности не выявлено. Определяющим психологическим фактором в преодолении негативных последствий действия стрессора повышенной интенсивности является уровень профессиональной готовности психолога к выполнению им поставленных профессиональных задач [3].

Результативность выполнения задач практическими психологами в стрессогенных условиях коррекционной деятельности также зависит от их индивидуально-типологических свойств и характера доминирующих психических состояний. Психические состояния с доминированием положительных характеристик (положительно окрашенных эмоций) в основном являются признаками успешной профессиональной деятельности психологов. В то же время состояния, характеризующиеся преобладанием негативных характеристик, могут свидетельствовать о неудовлетворительном протекании профессиональной деятельности психологов и выступают предпосылкой снижения профессиональной мотивации.

Также следует отметить, что интенсивность тревожности после консультации с клиентом зависела не только от характера задачи, но и от индивидуальных особенностей психолога, мотивов его поведения, профессионального опыта, знаний, навыков, основных свойств нервной системы, эмоциональной устойчивости. Именно поэтому у практических психологов с опытом работы менее пяти лет состояние повышенной тревожности возникало чаще и длилось дольше по сравнению с более опытными психологами.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что влияние условий деятельности, обусловленных выполнением профессиональной задачи у практических психологов, приводит к изменению состояния тревожности, ее интенсивности и компенсации; уровня работоспособности и в целом к изменению психического состояния.

Для снижения тревожности и повышения эффективности работы по консультированию, коррекции и профилактики необходимо повышение уровня профессиональной подготовки практических психологов, в том числе специальной психологической подготовки, которая развивала бы у практиков в этой области готовность к действиям в условиях стресс-факторов профессиональной обстановки.

Увеличение количества практических психологов с высоким уровнем интенсивности тревожности предполагает проведение различного рода мероприятий по регуляции и саморегуляции психических состояний. Это будет способствовать более эффективной профессиональной деятельности практиков в области практической психологии.

Результаты эмпирического исследования дают основания утверждать, что для практических психологов типичными являются стрессогенные факторы, связанные со спецификой деятельности, особенностями организации служебной деятельности и другими факторами. Стрессогенные факторы осуществляют как положительное, так и отрицательное влияние на психоэмоциональное состояние практического психолога и результаты решения ими служебных задач.

В основе снижения уровня реактивной тревожности должна лежать специальная психологическая подготовка практических психологов, которая призвана развивать психологическую готовность личности к деятельности в практических условиях. В этой связи необходимо, чтобы система психологического обеспечения профессиональной деятельности практических психологов организационно включала пять взаимосвязанных составляющих: профессионально-психологический отбор (направленный установить степень профессиональной пригодности практических психологов к выполнению консультативных, коррекционных и профилактических задач); психологическую подготовку (призванную развить у практических психологов высокий уровень психологической готовности к эффективным действиям в работе с клиентом); психологическое сопровождение (предназначен для формирования, сохранения и восстановления индивидуально-психологического потенциала практического психолога); психологическую помощь (направленную на актуализацию, мобилизацию, сохранение, компенсацию и восстановление психологических ресурсов практических психологов в соответствии с условиями профессиональных задач).

Список использованной литературы

1. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности : учеб. пособие для вузов / В. А. Бодров. — Москва : ПЕР СЭ, 2006. — 512 с.
2. Коростелева Н. А. Профессиональная пригодность как фактор, определяющий успешность профессиональной подготовки специалистов / Н. А. Коростелева // Актуальные проблемы современности. — 2018. — № 4. — С. 69–74.
3. Леонова А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса / А. Б. Леонова // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. — 2001. — № 11. — С. 2–16.
4. Маруняк С. В. Особенности профессиогенеза в различных условиях экстремальной деятельности : монография / С. В. Маруняк. — Архангельск : Изд-во Север. гос. мед. ун-та, 2008. — 131 с.
5. Тарасова Е. О. Психолого-педагогическая диагностика профессионально важных личностных качеств : учеб. пособие / Е. О. Тарасова. — Сызрань : Изд-во Самарского гос. техн. ун-та, 2010. — 128 с.

Информация об авторах

Галстян Маргарита Николаевна — директор, Центр профилактики, реабилитации и коррекции, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: Home5@mail.ru.

Никулина Татьяна Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: nikulunati@mail.ru.

Терпугова Жанна Александровна — студент, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: nikulunati@mail.ru.

Authors

Galstyan Margarita Nikolaevna — Director, the Center for Prevention, Rehabilitation and Correction, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: Home5@mail.ru.

Nikulina Tatyana Ivanovna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: nikulunati@mail.ru.

Terpugova Zhanna Aleksandrovna — Student, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation.

ЭСКАЛАЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Обосновывается необходимость уточнения терминологического аппарата, связанного с проблемой межэтнического конфликта. Выявляются дискуссионные для отечественной конфликтологии моменты в контексте структурного и динамического анализа межэтнического конфликта. Предлагаются определения ключевых структурных элементов межэтнического конфликта. Описываются особенности динамики эскалации межэтнического конфликта в соответствии с этапами, выделенными Ф. Глазлом. На каждой ступени эскалации предлагаются технологии урегулирования в соответствии с той ролью, которую может играть третья сторона. Сделан вывод о своевременном и качественном прогнозе возникновения, протекания и последствий межэтнических конфликтов и недопустимости перехода их на последнюю ступень эскалации.

Ключевые слова: межэтнический конфликт; структура межэтнического конфликта; ступени эскалации межэтнического конфликта; управление межэтническим конфликтом

Т. М. Ovchinnikova

ESCALATION OF INTERETHNIC CONFLICT: THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT

Abstract. The necessity of clarifying the terminological approach related to the problem of interethnic conflict is substantiated. The author identifies controversial moments for domestic conflictology in the context of structural and dynamic analysis of interethnic conflict. Definitions of key structural elements of interethnic conflict are proposed. The features of the dynamics of the escalation of interethnic conflict are described in accordance with the stages highlighted by F. The eye of the eye. At each stage of the investigation, settlement technologies are offered in accordance with the role that a third party can play. The conclusion is made about the timely and qualitative forecast of the emergence, course and consequences of interethnic conflicts and the inadmissibility of their transition to the last stage of escalation.

Keywords: interethnic conflict; structure of interethnic conflict; stages of escalation of interethnic conflict; management of interethnic conflict

Теоретические и практические аспекты управления межэтническими конфликтами занимают особое место в отечественной конфликтологии. Во-первых, существуют различные подходы к выделению структуры межэтнического конфликта. Во-вторых, среди отечественных конфликтологов нет единого мнения относительно описания его динамики.

В контексте структуры дискуссионными являются рассуждения, касающиеся определения объекта: существует ли специфическое содержание таких конфликтов, или же они являются разновидностью политических, религиозных и иных конфликтов, объектами которых являются трудовые, педагогические, экономические отношения? Часть специалистов полагает, что «чистых» межэтнических конфликтов, т. е. конфликтов из-за этнических различий, не существует, поскольку этнический конфликт — «всегда явление политическое», и для его урегулирования «необходимо использовать политические пути и методы» [5, с. 634]. Однако существуют конфликты, сторонами которых являются этнические группы, не претендующие на власть, не имеющие отношения к каким-либо политическим партиям или общественно-политическим движениям, не осуществляющие деятельность в области внутригосударственных отношений. И если исходить из того, что в основе политического конфликта лежат политические интересы и борьба за политическое господство, то можно утверждать, что такие конфликты изначально не являются политическими. Но на стадии открытого конфликта стороны (или одна из сторон) для достижения своей цели могут стремиться получить властные полномочия. Также в основе конфликтного взаимодействия могут лежать религиозные интересы этнических групп. В этих случаях можно говорить о кластере *конфликтов* или называть такой кластер этнополитическим, этноконфессиональным, этнорелигиозным *конфликтом*, в зависимости от многообразия всех составляющих. Что касается тезиса об урегулировании межэтнического конфликта, которое всегда происходит с участием институтов власти, то, на наш взгляд, методологически неверно смешивать структурный элемент «стороны конфликта» («межэтнический конфликт — конфликт между ...») с *деятельностью* третьей стороны и теми технологиями, которые она использует для разрешения возникшего противоречия. В рамках данного исследования будем считать объектом межэтнического конфликта отношения между группами, по крайней мере, одна из которых является этнической. В качестве предмета могут выступать противоречия, связанные с различным восприятием ценностей, традиционных для той или иной этнической группы; необходимостью сохранения или возрождения функций языка, культуры, религии, в частности, в ситуации принудительной языковой ассимиляции этноса, не являющегося доминирующим. Предметом межэтнического конфликта также может быть действительное или мнимое национальное неравенство, противоречие из-за территориальных притязаний и т. д.

В отечественной конфликтологии существуют различные подходы и по поводу определения субъектности межэтнических конфликтов. По мнению А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, межэтнические конфликты могут возникать как между этническими группами, так и между отдельными представителями различных этносов. По данному критерию авторы выделяют этносоциальные, «межэтнические конфликты в строгом смысле термина» и «межличностные конфликты» [1, с. 358]. Мы разделяем позицию Н. И. Григорьева: межэтнический конфликт не может быть межличностным, так как хотя бы одна из его сторон действует, преследуя не только индивидуальные, но и групповые интересы и является представителем аскриптивной группы (группы с жестко предписанным

поведением) [3, с. 46–47], межэтнический конфликт — это межгрупповой конфликт.

В контексте динамики межэтнического конфликта нет единого мнения по поводу соотношения данного понятия и понятия межэтнической напряженности. Для одних авторов эти понятия тождественны, для других — межэтнический конфликт является одной из стадий межэтнической напряженности, для третьих — межэтническая напряженность предшествует конфликту. На наш взгляд, межэтническая напряженность возникает на латентной стадии конфликта, перерастая при определенных условиях в открытый конфликт, характеризующийся различного рода столкновениями вплоть до массовых беспорядков, погромов и вооруженного противостояния.

Говоря о динамике, мы имеем в виду традиционное выделение этапов: предконфликт, открытый конфликт и завершение конфликта. Однако межэтнические отношения являются настолько сложными и во многом иррациональными в своей основе, что «раскладка» динамики такого взаимодействия на три этапа приводит к максимальной его схематизации и формализации, особенно на первом этапе, когда вмешательство третьей стороны с целью урегулирования возникших противоречий еще возможно без применения силы.

Рассмотрим динамику межэтнического конфликта в соответствии с выделенными Ф. Глазлом девятью ступенями эскалации. На первой ступени, названной Глазлом «отвердеванием», мнения и позиции внутри этнических групп начинают принимать застывшие формы: отдельные представители и, как следствие, группы становятся все более закрытыми от влияния со стороны оппонента. На иррациональном уровне «фильтруется» информация, поступающая из различных источников, в зависимости от того, кто является ее отправителем. То есть основанием для оценки правдивости информации является то, какая личность или группа ее транслирует: «Это ложь, поскольку об этом говорит Х». При этом появляются «проповедники», популярность которых стремительно растет, как правило, их образ тщательно конструируется. Этот процесс сопровождается поляризацией группового мышления: спонтанно группируются те, кто симпатизирует той или иной позиции, и те, кто не разделяет ее. Внутри групп развивается обостренное восприятие всего того, что их отличает друг от друга. На этой ступени стороны потенциального конфликта еще осознают, что зависят друг от друга, но эта зависимость начинает восприниматься ими как некое отягощение, а совместное решение проблем «требуется самообладания» [2, с. 237]. На ступени «отвердевания» еще возможны переговоры, хотя переговорный процесс усложняется скованностью, напряженностью и искажениями в восприятии сторон.

Ступень вторая — «поляризация и дебаты» — добавляет новые источники межэтнической напряженности, связанные с тем, как группы отстаивают полярные точки зрения: теперь победы в вербальных баталиях становятся делом престижа, каждый отстаивает свою точку зрения и «затвердевает в своем защитном поведении» [2, с. 241]. С развитием интернет-технологий появились новые возможности стимулирования конфликта на данной ступени. Всевозможные форумы наполнены вбросами провокационного характера, которые затрагивают «священные ценности» [2, с. 246] и вызывают эмоциональную реакцию. Причем

какого вопроса не касалось бы обсуждение, неизменно появляется «этнический контекст». На данной ступени запускается процесс трансформации коллективной этнической идентичности в сторону этноэгоизма и этнофанатизма, усиливается групповая сплоченность и групповой фаворитизм. Несмотря на то что стороны еще пытаются учитывать интересы друг друга, все их стратегии, в том числе манипулятивные, направлены на то, чтобы заставить оппонента принять свою точку зрения.

Основным инструментом давления на первых двух ступенях является слово. Если конфликт не урегулирован и слов для того, чтобы «продавить» свою позицию, уже недостаточно, происходит переход на третью ступень, чему, как правило, способствуют провокационные (сознательные или бессознательные) действия одной или обеих сторон. Третья ступень — «от слов к делу» — характеризуется дальнейшим усилением внутригруппового сплочения и конформизма, блокировкой индивидуальных интересов, деперсонализацией представителей этнических групп. Создаются образы-клише оппонента, актуализируются автостереотипы и гетеростереотипы. Дальнейшая трансформация идентичности приводит к тому, что стороны не могут адекватно оценивать свои эмоциональные реакции и управлять ими. Вербальная коммуникация постепенно заменяется невербальной.

При переходе на четвертую ступень определяющим вопросом для конфликтующих сторон является потенциальная победа или поражение. Враждебный настрой становится все более явным, установки агрессивными, мышление дихотомическим («за» или «против»). Эту ступень Глазл называет «заботой об имидже», поскольку сторонам важно создать собственный позитивный образ и негативный образ противника. Социальная дистанция между группами становится максимальной, каждая из них создает схематизированные эмоционально окрашенные образы по принципу «свой — чужой», где «свои» наделяются исключительно позитивными качествами, а «чужие» — негативными. В основе такой стереотипизации лежит упрощение: выделяется несколько основных признаков, на основе которых происходит оправдание любых действий, совершаемых или планируемых против «враждебной» группы. Переход к открытым конфликтным действиям уже произошел на предыдущей ступени, но там они были несистематическими, «разовыми» акциями, теперь же для их планирования и реализации создается идейная база. Усиление внутригруппового фаворитизма приводит к максимизации межгрупповых различий и внутригруппового сходства; минимизации внутригрупповых различий и межгруппового сходства. Каждая из сторон провоцирует другую на действия, которые будут подтверждать созданный стереотипный образ, после чего следует «наказывающее поведение». В то же время наблюдаются целенаправленные акции по «вербовке сторонников»: действия сторон выносятся на публичное обсуждение, используются всевозможные арены вплоть до международных. Цель этих обсуждений та же: навязать свой «благородный, героический, всезаступнический» образ и «агрессивный, бесчеловечный, варварский» образ противника. В ход идут инсценировки, имидж-шпионаж, запугивание, шантаж. Вместе с тем, по мнению Глазла, именно на этой ступени у конфликтующих сторон развивается «сильное чувство порога»

для перехода на следующую ступень [2, с. 264], так называемые красные линии, за которые интуитивно стороны не хотели бы переступить, но нарастающая эскалация их неизбежно подталкивает к этому.

На пятой ступени «потери лица» конструируется не только текущая ситуация, но и прошлое в отношениях сторон, переписывается история этих отношений, иногда происходит как бы прозрение: все действия противника в прошлом рассматриваются в контексте его аморальности, хитрости, продуманности. В воспоминаниях о прошлом утверждается негативный образ противника. Конфликт обостряется и окончательно приобретает идеологизированный характер. Наблюдается конфронтация на почве ценностей, лежащих в основе этнической идентичности (акции по поводу сноса исторических памятников, уничтожение культурных кодов). Конфликтующие стороны полностью теряют доверие друг к другу, включаются механизмы пессимистической антиципации. Возникает порочный круг, в котором каждый из оппонентов требует от другого сделать первые шаги для урегулирования ситуации и представить доказательства своей надежности в реализации этих шагов. Доказательства аморальности противника все чаще демонстрируются на публике. Противники атакуют друг друга с «сектантской одержимостью», так как победа в конфликте становится «священным долгом» [2, с. 272], они пытаются лишить друг друга не только моральных, но и гражданских прав. На этой ступени у этнических групп начинает формироваться чувство ненависти, которое с трудом поддается лечению. Это чувство, сопровождаемое чувством страха, делает маловероятным реверсное развитие конфликта и возврат на предыдущие ступени эскалации.

На шестой ступени «стратегий угроз» доминирующими становятся силовые методы отстаивания своих позиций. Эскалация ускоряется, затрудняя контроль над развитием ситуации или делая его невозможным, возрастает вероятность скачкообразного развития конфликта, когда у оппонентов все меньше становится времени для принятия обдуманных решений и адекватного прогнозирования их последствий. Устоявшаяся коллективная этническая идентичность начинает разрушаться в силу увеличивающейся иллюзорности. Чем фанатичнее утверждаются и отстаиваются «Я-образ», «Я-принадлежность» и «Я-осознание», тем больше внутренних противоречий возникает и на индивидуальном, и на групповом уровне.

С переходом на седьмую ступень «ограниченных уничтожающих ударов» меняются образы конфликтной ситуации: в них уже не находится места оппоненту, т. е. каждая сторона заявляет о том, что ситуацию можно завершить только устранением противника (его нужно «обезвредить», «истребить», «искоренить»). Сами конфликтные действия пока еще не имеют цели такого уничтожения, скорее, они направлены на то, чтобы обессилить оппонента. Его потери рассматриваются как выигрыш, даже если в действительности выгода от этих потерь минимальна. Стороны сознательно разрушают все каналы коммуникации, поскольку не видят пути назад.

На последних двух ступенях ситуация развивается настолько прямолинейно, что характеристики ее минимальны. На восьмой ступени происходит

«раскалывание» (расщепление) [2, с. 298]. На ней все более активные конфликтные действия сторон направлены на уничтожение центров принятия решений. Межгрупповая агрессивность нарастает скачкообразно. Внутри конфликтующих групп усиливается дисгармония в результате продолжающегося процесса разрушения идентичности. «Тылы» начинают сопротивляться «центру». Иррациональность решений и поведения сторон стремительно растет, их сдерживает от перехода на следующую ступень лишь боязнь саморазрушения. Как только она преодолевается готовностью к самопожертвованию, стороны готовы перейти на последнюю ступень эскалации. Девятую ступень Глазл называет «Вместе в пропасть» и дает ей такую обобщенную характеристику: «Конфликтующие партии ведут тотальную войну на уничтожение окружающих, не различая членов партий или нейтральных лиц... Таким образом, происходит взаимное самоубийство партий, которые, даже падая в пропасть, справляют над противником триумф, поскольку он также лишен шансов на выживание» [2, с. 300].

Каковы же методы управления межэтническими конфликтами и от чего зависит выбор того или иного метода? Во-первых, от той ступени эскалации, на которой находится конфликт. Во-вторых, от границ конфликта (от его уровня: микро-, мезо-, макро-). На первой ступени эскалации конфликтующие стороны еще явно не выражены, о наличии противоречия мы можем судить по отдельным его проявлениям, поэтому особое внимание должно уделяться профилактике конфликтов, возникающих на этнической почве. С этой целью третья сторона (индивидуальный или коллективный субъект) в роли модератора (наблюдателя) может осуществлять мониторинг трансформаций этнической идентичности, исследование социальных дистанций между представителями различных этнических групп. На первой, второй и частично третьей ступени, когда стороны конфликта уже определены, целесообразна работа по выявлению и коррекции стереотипов, проведение антиципационных тренингов, аттитюд-ориентированных интервенций, фасилитативных сессий с целью поиска путей гармонизации межэтнических отношений.

На третьей и четвертой ступени переговоры с минимальной вероятностью могут быть инициированы и эффективно проведены самими сторонами без участия третьей. Поэтому необходима работа с представителями каждой из сформировавшихся групп с целью подготовки их к тому, чтобы взять на себя ответственность за предшествующее течение конфликта и работать совместно над его разрешением. Третья сторона в роли миротворца (консультанта по сопровождению процесса разрешения конфликта) в процессе консультирования должна добиться от каждой стороны прояснения перцепций, демонтажа своего образа и образа врага, выявления мотивов, уточнение целей. Тренинговая работа также еще возможна, но теперь акценты ее смещены на коррекцию поведения в конфликтной ситуации. В нашей практической деятельности был апробирован «театр конфликта» с использованием сценарного прогнозирования. В настоящее время эта технология корректируется с учетом полученного опыта.

На четвертой и пятой ступени разрешение конфликта без посреднических процедур практически невозможно. Задачами посредника являются снятие ком-

муникативных барьеров, выявление и разрешение дилемм убеждения, искушения, вынужденного реализма, сотрудничества, доверия [4]. На пятой ступени целесообразны интервенции, направленные на предмет конфликта, с участием представителей властных структур. То есть возможна смешанная роль: посредник-арбитр, в этом случае третья сторона становится исключительно коллективным субъектом. Безусловно, участие в переговорах представителей различных этнических групп предъявляет особые требования к посреднику. Он должен быть осведомлен об этнорелигиозных табу, принятых в данной группе, должен уметь устранять дисбаланс сил при его возникновении, отслеживать индикаторы потенциальных источников дискомфорта, работать с эмоциями сторон, не обсуждая абсолютные этнорелигиозные ценности, т. е. обладать необходимым уровнем этнокультурной компетентности.

На шестой и седьмой ступени работа посредника становится малоэффективной, и на смену ему должен прийти арбитр. На этих ступенях целесообразно разведение сторон, регулирование поведения, разработка системы санкций за нарушение общепризнанных норм. С позиции арбитра могут приниматься решения относительно предметов конфликта и блокировки коалиций. Если конфликт в своем развитии достиг восьмой и девятой ступени, то единственно возможным становится силовое вмешательство, предполагающее подавление поведения, способствующего эскалации конфликта, принуждение к миру, управление информационными потоками, контроль постконфликтной ситуации.

Итак, для эффективного управления межэтническим конфликтом, важно вовремя его диагностировать. Проявления этнофанатизма, этнонигилизма, ксенофобии, отрицательные этнические стереотипы существуют практически на всех уровнях социальных отношений. Важно вовремя спрогнозировать их «всплеск» и не допустить «воронки», вовлекающей в конфликт все новых участников, расширяющей его рамки до макросоциальных и ускоряющей его переход на последнюю ступень эскалации.

Список использованной литературы

1. Анцупов А. Я. Конфликтология : учеб. для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — 6-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2016. — 528 с.
2. Глазл Ф. Конфликт-менеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта / Ф. Глазл ; пер. с нем. — Калуга : Духовное познание, 2002. — 516 с.
3. Григорьев Н. И. Методические материалы тренера-медиатора в области межэтнических и межконфессиональных конфликтов : крат. курс / Н. И. Григорьев. — Москва : Изд. дом «ООО «Буки Веди», 2016. — 160 с.
4. Овчинникова Т. М. Технология «Драматек» в медиации / Т. М. Овчинникова // *Caucasian Science Bridge*. — 2021. — Т. 4, № 4 (14). — С. 124–128.
5. Тавадов Г. Т. Этнология. Современный словарь-справочник / Г. Т. Тавадов. — Москва : Диалог культур, 2007. — 704 с.

Информация об авторе

Овчинникова Татьяна Маратовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: t_ovch@mail.ru.

Author

Ovchinnikova Tatyana Maratovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, the Russian Federation, e-mail: t_ovch@mail.ru.

РАЗДЕЛ 3. МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ «ГРУППЫ РИСКА» НА МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ ОСНОВЕ

УДК 343.9

Е. З. Сидорова

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В настоящее время в России особое внимание уделяется борьбе с экстремизмом и терроризмом, особенно в образовательной среде, поскольку именно подростки и молодежь наиболее часто подвергаются экстремистскому воздействию. На современном этапе государство проводит активную государственную антиэкстремистскую и антитеррористическую политику в образовательной среде. Обусловлено это повышенным уровнем опасности, которую представляет экстремистское воздействие на участников образовательных отношений, в первую очередь на несовершеннолетних обучающихся. В настоящее время на всех уровнях власти предпринимаются попытки противостоять экстремизму в системе образования. Вместе с тем, несмотря на принимаемые в настоящее время государством меры, в России по-прежнему случаются те или иные экстремистские (в том числе террористические) происшествия. Современные жизненные реалии свидетельствуют о том, что отечественная образовательная среда не до конца защищена от экстремистских и террористических угроз. И государству следует по-прежнему развивать и совершенствовать данное профилактическое направление.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; противодействие преступности; образовательная среда; сфера образования; криминологическая безопасность образования

E. Z. Sidorova

ON COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT THE PRESENT STAGE

Abstract. Currently, in Russia, special attention is paid to the fight against extremism and terrorism, especially in the educational environment, since it is adolescents and young people who are most often exposed to extremist influence. At the present stage, the state is conducting an active state anti-extremist and anti-terrorist policy in the educational environment. This is due to the increased level of danger posed by extremist influence on participants in educational relations, primarily on underage students. Currently, attempts are being made at all levels of government to counter extremism in the education system. At the same time, despite the measures currently being taken by the state, various extremist (including terrorist) incidents still occur in Russia. Modern realities of life indicate that the domestic educational environment is

not fully protected from extremist and terrorist threats. And the State should continue to develop and improve this profile area.

Keywords: extremism; terrorism; crime prevention; educational environment; education; criminological security of education

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 ориентирует граждан на необходимость борьбы с такими негативными явлениями современности, как экстремизм и терроризм. Связано это с тем, что экстремизм и терроризм в настоящее время прочно проникли в нашу жизнь. Не могли не коснуться они и сферы образования, в первую очередь таких участников образовательных отношений, как несовершеннолетние обучающиеся.

В ранее проводимых нами исследованиях отмечалось, что под криминологической безопасностью образования следует понимать составную часть национальной безопасности Российской Федерации, выражающуюся в таком состоянии защищенности всех элементов системы образования от внутренних и внешних угроз криминального и криминогенного характера, при котором обеспечиваются целостность и устойчивое развитие института образования [1, с. 161].

В настоящее время существует большое количество прямых и косвенных угроз криминального и криминогенного характера, способных причинить невосполнимый ущерб целостности и защищенности образовательной системы России. Прямым криминальным вызовом современности выступает в том числе экстремизм и его крайняя форма — терроризм — в образовательной среде.

В настоящее время в России особое внимание уделяется борьбе с экстремизмом и терроризмом, особенно в образовательной среде, поскольку именно подростки и молодежь наиболее часто подвергаются экстремистскому воздействию. На современном этапе государство проводит активную государственную антиэкстремистскую и антитеррористическую политику в образовательной среде.

Любая государственная политика реализуется в первую очередь посредством разработки и применения тех или иных нормативно-правовых актов, принимаемых на разных уровнях власти, начиная с международного и заканчивая локальным уровнем управления [2, с. 21].

Можно говорить о большом количестве действующих нормативно-правовых актов, затрагивающих сферу профилактики экстремизма и терроризма в образовательной среде. При этом, помимо федеральных нормативно-правовых актов, таких как федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» от 29 мая 2020 г. № 344 и др.), принято большое количество ведомственных актов (например, приказ Минобрнауки Российской Федерации «О комплексе мер по противодействию терроризму в сфере образования и науки» от 4 июня 2008 г. № 170).

Кроме того, на региональном и муниципальном уровнях власти также уделяется пристальное внимание регулированию вопросов антиэкстремистской и антитеррористической безопасности в образовательной среде.

Например, в Новосибирской области действует постановление Правительства Новосибирской области «Об утверждении региональной программы Новосибирской области «Профилактика правонарушений, экстремизма и терроризма на территории Новосибирской области» от 29 июня 2017 г. № 246-п (с изменениями и дополнениями). Данный акт предусматривает некоторые виды мероприятий, которые необходимо проводить среди обучающихся с целью профилактики асоциального поведения. Предложено, в частности, проводить просветительские беседы по соответствующим темам, вовлекать учащихся в активную культурно-творческую деятельность образовательных организаций, развивать творческий потенциал подростков и др.

На муниципальном уровне действует, например, приказ начальника департамента образования города Перми «Об усилении мер антитеррористической защищенности в подведомственных муниципальных образовательных учреждениях г. Перми» от 15 янв. 2018 г. № СЭЛ-059-08-01-09-33. В данном документе закреплён перечень мер, которые необходимо реализовывать работникам пермских образовательных организаций с целью обеспечения защищенности от террористических угроз, в частности:

- предусмотрен обязательный ежемесячный инструктаж о повышении бдительности всех сотрудников образовательных организаций;
- за руководителями образовательных учреждений закрепляется обязанность обеспечить наличие и целостность ограждений по всему периметру территории, чтобы исключить возможность проникновения под забором, через забор террористов;
- закрепляется обязанность обеспечить наличие на постах охраны в образовательных учреждениях алгоритмов (памяток) действий сотрудников частных охранных организаций и персонала при угрозе или совершении террористического акта и др.

Следует также обратить внимание на локальный уровень (на правовые предписания образовательных организаций).

Согласно п. 2 ч. 6 ст. 28 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, каждая образовательная организация обязана осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании, в том числе создавать безопасные условия обучения в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной организации. На основании данного положения образовательные организации самостоятельно разрабатывают локальные акты, направленные на защиту образовательного процесса от различных угроз, в том числе террористического и экстремистского характера.

Например, приказом директора ГБОУ города Севастополя «Средняя общеобразовательная школа № 19» от 1 июня 2020 г. № 169 утвержден План

работы школы по противодействию терроризму и экстремизму на 2020–2021 учебный год. Данный план подразумевает реализацию различных антитеррористических профилактических мер на территории данного образовательного учреждения, в том числе:

- усиление режима пропуска в учреждение путем осуществления непрерывного контроля за входом;
- опечатывание дверей в подвальных помещениях, чердачных люков;
- проведение обследования территории на предмет обнаружения подозрительных, незнакомых предметов и др.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в России на всех уровнях власти ведется активная борьба с экстремизмом и терроризмом, особенно в образовательной среде, где задействовано большое количество несовершеннолетних и молодых лиц, в наибольшей степени подверженных негативному экстремистскому и террористическому влиянию. На международном, федеральном, региональном, муниципальном и локальном уровнях приняты различные нормативно-правовые акты, направленные на охрану прав участников образовательного процесса от террористических и экстремистских угроз.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые в настоящее время государством меры, в России по-прежнему случаются те или иные экстремистские (в том числе террористические) происшествия. Современные жизненные реалии свидетельствуют о том, что отечественная образовательная среда не до конца защищена от экстремистских и террористических угроз. И государству следует по-прежнему развивать и совершенствовать данное профилактическое направление.

В настоящее время наиболее распространенными превентивными мероприятиями являются профилактические беседы среди обучающихся, показ видеороликов и профилактических фильмов, распространение памяток и инструкций.

Однако, как показывает практика, данных мер недостаточно. Подобные мероприятия низко усваиваются молодыми людьми, поскольку подростки считают такие мероприятия скучными. Наибольшим профилактическим потенциалом обладает информационная работа с подростками и молодежью в сети «Интернет». Следует признать, что молодое поколение проводит очень много времени в информационно-коммуникационных сетях. Этим активно пользуются преступники, вовлекая молодых лиц в свои преступные экстремистские и террористические группировки. Соответствующие субъекты профилактики уже начали осуществлять в сети «Интернет» пропаганду антиэкстремистского поведения. Думается, что такая работа должна вестись мягко, как можно менее заметно, ненавязчиво. Незаметно воспринимаемая информация будет легче усваиваться подростками, поскольку очень важно, чтобы молодые люди считали, что они самостоятельно приняли решение (решение не поддерживать экстремистские и террористические идеи), а не восприняли насильно навязываемые им государством представления и идеалы.

Кроме того, для школьников и студентов важна реализация игровых форм передачи информации. Например, путем проведения квеста можно донести до подростков опасность террористических и экстремистских угроз.

Очень важно проводить индивидуальную психологическую работу с детьми, входящими в так называемую группу риска. Речь идет о детях из неполных семей, или воспитывающихся в детских домах, или из малообеспеченных семей. Подразумеваются также дети, которые уже были замечены в совершении каких-либо правонарушений или даже преступлений, и другие категории детей. Очень важно также выявлять подростков, которые замкнулись в себе, чувствуют себя одиноко, не имеют друзей, не находят общего языка с родителями и т. д. Именно такие молодые люди наиболее часто оказываются вовлеченными в экстремистские и террористические организации, поскольку преступники зачастую являются опытными психологами, умеющими создать видимость поддержки тех лиц, которые в ней наиболее остро нуждаются.

Можно обозначить ряд иных значимых профилактических мер, которые будут способствовать снижению уровня вовлеченности участников образовательного процесса в экстремистские и террористические группировки. Однако каждую из обозначенных мер необходимо обеспечивать материальными, финансовыми, кадровыми и временными ресурсами. Например, для того чтобы проводить эффективную психологическую работу со школьниками, требуется целый штат профессиональных школьных психологов. И в этой связи целесообразным представляется разработка специальной государственной профилактической программы, направленной на борьбу с экстремизмом и терроризмом в системе образования. В подобной программе будут четко определены субъекты профилактики, размеры финансирования, система превентивных мероприятий и сроки их реализации. Такой системный подход положительным образом отразился бы на уровне защищенности образовательной среды от угроз экстремистского и террористического характера и позволил бы снизить количество случаев вовлечения школьников и студентов в различные экстремистские организации, а значит, способствовал бы обеспечению национальной безопасности России в целом.

Список использованной литературы

1. Сидорова Е. З. К вопросу о понятии и сущности теории криминологической безопасности образования / Е. З. Сидорова // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы Междунар. науч.-практ. конференции «VIII Балтийский юридический форум». — Калининград : Изд-во Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России, 2020. — С. 161–162.

2. Сидорова Е. З. Современная уголовная политика в области предупреждения преступности в сфере образования, реализуемая на международном уровне / Е. З. Сидорова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2021. — № 1 (57). — С. 20–23.

Информация об авторе

Сидорова Екатерина Закариевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ketrik6@mail.ru.

Author

Sidorova Ekaterina Zakarijevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: ketrik6@mail.ru.

Е. Л. Трофимова,
М. А. Прейдис

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУПРУГОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Аннотация. В статье анализируются потенциально конфликтогенные сферы между молодыми супругами, возраста ранней зрелости от 25 до 35 лет. Проблема изучения взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях рассматривается как отечественными, так и зарубежными авторами (Н. Н. Обозов, В. А. Сысенко, Н. Т. Юркевич, У. Ф. Харли, М. Робер и Ф. Тильман и др.). Эмпирически установлено, что наиболее конфликтогенными для молодых супругов являются проблемы «расхождения в отношении к деньгам», «вопросы, связанные с воспитанием детей», «проблемы отношений с родственниками и друзьями» и «проявление стремления к автономии» в браке. Полученные результаты позволяют утверждать, что уровень конфликтности у супругов с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости выше, чем у супругов с удовлетворительным уровнем.

Ключевые слова: конфликты; супружеские конфликты; типы конфликтного взаимодействия; молодые супруги

E. L. Trofimova,
M. A. Preydis

FEATURES OF INTERACTION OF SPOUSES IN CONFLICT SITUATIONS

Abstract. The article analyzes the potentially conflictogenic spheres between young spouses, the age of early maturity from 25 to 35 years. The problem of studying the interaction of spouses in conflict situations is considered by both domestic and foreign authors, such as, N. N. Obozov, V. A. Sysenko, N. T. Yurkevich, W. F. Harley, M. Robert and F. Tillman, et al. It has been empirically established that the most conflict-prone for young spouses are the problems of «differences in attitude to money», «issues related to the upbringing of children», «problems of relations with relatives and friends» and «manifestation of the desire for autonomy» in marriage. The results obtained suggest that the level of conflict in spouses with an unsatisfactory level of personal maturity is higher than in spouses with a satisfactory level.

Keywords: conflicts; marital conflicts; types of conflict interaction; young spouses

Анализ литературы показывает, что семейные конфликты — это противоречие различных убеждений, интересов, потребностей, взглядов, желаний или мнений, которые возникают между супругами или другими членами семьи. Кроме того, конфликты могут присутствовать не только в неблагополучных семейных отношениях, но и при здоровых.

В. А. Сысенко считает, что неустойчивость или стабильность брака зависит от удовлетворенности потребностей супругов [4; 5]. Автор рассматривает три группы конфликтов: 1) по причине неравномерного распределения и разного понимания труда и обязанностей в семье; 2) по причине неудовлетворения потребностей, в том числе сексуальных; 3) по причине расхождения в воспитании и характере [5].

В работах Н. Т. Юркевича как основные причины конфликтов между супругами рассматриваются «несовместимость их характеров и нравственных позиций» [6].

С точки зрения Н. Н. Обозова, значимыми причинами супружеских конфликтов являются «различия ролевых ожиданий, личностных качеств супругов и их мнений относительно целей брачного союза» [3].

Американский психолог Уиллард Ф. Харли указывает на пять главных, значимых потребностей, которые, с позиции их удовлетворения, относятся к созданию семьи мужчины и женщины. Удовлетворение данных потребностей помогает создать основу для стабильного, крепкого брака, а неудовлетворение может привести к возникновению конфликтов, а в дальнейшем к разводу [7].

Таблица 1

Потребности в браке по Уилларду Ф. Харли

№	Потребности мужчины в браке	Потребности женщины в браке
1	Половое удовлетворение	Нежность
2	Спутник по отдыху	Возможность поговорить
3	Привлекательная жена	Честность и открытость
4	Ведение домашнего хозяйства	Финансовая поддержка
5	Восхищение	Посвященность семье

Таким образом, мы видим, что потребности между супругами кардинально различаются и, соответственно, в каждом браке могут возникнуть трудности и проблемы с адаптацией к супружеской жизни.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей конфликтного поведения супругов с разным уровнем личностной зрелости. Личностная зрелость — это качество личности, которая указывает на готовность и способность личности к эффективному решению жизненных ситуаций.

Выборку составили молодые люди в возрасте 25–35 лет (40 чел. — 15 мужчин и 25 женщин), которые состоят в браке 3–5 лет.

Для достижения цели исследования были использованы следующие методики:

- опросник «характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (авторы Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман);
- тест-опросник личностной зрелости (автор Ю. З. Гильбух) для изучения уровня личностной зрелости супругов в браке.

Согласно полученным результатам методики «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» Ю. Е. Алешиной (табл. 2), можно уви-

дети, что конфликты в молодых семьях происходят по причинам: «расхождения в отношении к деньгам», «вопросы, связанные с воспитанием детей», «проблемы отношений с родственниками и друзьями», «проявление стремления к автономии».

Таблица 2

Сферы конфликтного взаимодействия супругов с разным уровнем личностной зрелости

Типы конфликтов в семьях между мужчинами и женщинами	Средние значения по всей выборке	Супруги с удовлетворительным уровнем личностной зрелости	Супруги с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости
1. Проблемы отношений с родственниками и друзьями	0,98	1,59	0,22
2. Вопросы, связанные с воспитанием детей	1,13	1	1,27
3. Проявление стремления к автономии	0,9	1,54	0,11
4. Нарушение ролевых ожиданий	0,325	-0,18	0,94
5. Рассогласование норм поведения	0,15	-0,27	0,66
6. Проявление доминирования одним из супругов	-0,65	-1,81	0,77
7. Проявление ревности	0,1	-0,09	0,33
8. Расхождения в отношении к деньгам	1,99	1,98	2

Большинство супругов с удовлетворительным уровнем личностной зрелости конфликтуют из-за «расхождения в отношении к деньгам». Также опрошенные отмечают конфликты, связанные с «проблемами отношений с родственниками и друзьями» и из-за «проявления стремления к автономии».

Неконфликтными сферами являются «проявление доминирования одним из супругов», «рассогласование норм поведения», а также «нарушение ролевых ожиданий».

Конфликты супругов, связанные с расхождением в отношении к деньгам, возможно, могут возникать из-за разногласий в представлениях и значимости денег, а также в разных потребностях, ценностных ориентациях супругов. Здесь, скорее всего, следует указать на то, что у супругов сформировалось свое определенное отношение к деньгам, например один из супругов относится к деньгам легко, может спокойно тратить как на нужные, так и на бесполезные вещи, в то время как партнер, возможно, стремится копить деньги, чтобы к определенному времени иметь крупную сумму денег, на которую можно приобрести что-то ценное для семьи. Конфликт как раз может возникать из-за разных представлений о том, куда и на что стоит потратить совместно заработанные деньги.

Конфликты, связанные с проблемами отношений с родственниками и друзьями, возможно, могут возникать из-за несоответствия представлений о семейной жизни супругов. Здесь мы можем предположить, что супруги по-разному относятся к семейной жизни, т. е. для некоторых семья подразумевает под собой круг близких людей, с которыми человек проводит время после работы, учебы, также уделяет время в свободные от работы часы. Другим же людям важно проводить время не только в окружении семьи, близких людей, но также и уделять свое внимание друзьям, коллегам. Если один из супругов не может принять тот факт, что другому необходимо проводить свободное время вдали от семьи, с друзьями, то в таком случае в семье могут возникать конфликты на этой почве.

Так как удовлетворительный уровень личностной зрелости указывает нам на то, что супруги являются самостоятельными, ответственными, уверенными в себе личностями, которые имеют свои представления о семейной жизни, они с готовностью подходят к выбору партнера, созданию семьи, соответственно, реже всего у таких людей возникают конфликты, связанные с доминированием одним из супругов, а также рассогласованиями норм поведения. Мы можем предположить, что такие люди уверены в своих партнерах и у них не возникают проблемы с тем, как их партнер привык себя вести в обществе, как ему комфортно взаимодействовать с другими людьми и т. д.

У супругов с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости встречаются все типы выделенных конфликтов, но в большей степени характерны конфликты из-за «расхождения в отношении к деньгам», также чаще наблюдаются «конфликты, связанные с вопросом воспитания детей», кроме того фиксируются и разногласия из-за «нарушения ролевых ожиданий», «проявления доминирования одним из супругов», «рассогласования норм поведения» и «проявления ревности».

Можно предположить, что супруги имеют разное представление о заработке, а также о необходимой сумме денег, которая должна каждый месяц поступать в семью на необходимые нужды. В таком случае из-за недостатка заработанных денег в семье могут возникать недопонимания, а также конфликты между супругами, которые могут в дальнейшем привести к разводу.

Конфликты, связанные с вопросом воспитания детей, могут возникать из-за неуверенности в себе супругов, перекладывания друг на друга ответственности, пассивности, а также безынициативности. Это может проявляться в том, что супруги не имеют определенных четких правил, по которым они могут воспитывать детей. Скорее всего, здесь большое влияние на супругов оказывают их родители, которые «вмешиваются» в жизнь своих детей и навязывают им то, как нужно воспитывать детей.

В значительно меньшей степени для них, в отличие от респондентов с удовлетворительным уровнем личностной зрелости, характерны разногласия по вопросам «проявления стремления к автономии» и «проблем отношений с родственниками и друзьями».

Вероятно, что супруги с неудовлетворительной личностной зрелостью не стремятся отделиться от своего партнера, им также важно разделять цели, мотивы, стили поведения с другими людьми. Возможно, это происходит из-за того,

что им трудно понять, чего они хотят добиться в жизни, как им хочется себя проявлять, поэтому используют автономность как средство, при помощи которого они могут снять с себя ответственность и выбрать тот стиль поведения, который приемлем для партнера. Также следует сказать, что, возможно, супруги с данным уровнем личностной зрелости лояльно относятся к семейной сфере. Скорее всего, они способны большую часть времени уделять не только семье, родителям, но также и своим друзьям и коллегам.

Также были выявлены значимые различия в потенциально конфликтных сферах между супругами с удовлетворительным и неудовлетворительным уровнем личностной зрелости со стороны активной и пассивной позиции (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение респондентов по темам,
являющимся потенциально конфликтными, %**

Типы конфликтов в семьях между мужчинами и женщинами	Супруги с удовлетворительным уровнем личностной зрелости		Супруги с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости	
	Активная позиция	Пассивная позиция	Активная позиция	Пассивная позиция
1. Проблемы отношений с родственниками и друзьями	36,3	63,3	22,2	77,7
2. Вопросы, связанные с воспитанием детей	27,2	72,7	33,3	66,6
3. Проявление стремления к автономии	50	50	55,3	44,4
4. Нарушение ролевых ожиданий	36,3	63,3	44,4	55,5
5. Рассогласование норм поведения	54,5	45,4	16,6	83,3
6. Проявление доминирования одним из супругов	40,9	59	33,3	66,6
7. Проявление ревности	31,8	68,1	50	50
8. Расхождения в отношении к деньгам	27,2	72,7	27,2	72,2

Так, в сфере проблем рассогласования норм поведения супруги с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости в большей степени принимают пассивную позицию, нежели супруги с удовлетворительным уровнем.

Мы можем отметить и то, что в вопросе проявления доминирования супруги с удовлетворительным уровнем личностной зрелости чаще прибегают к активной позиции, в то время как супруги с неудовлетворительным уровнем склоняются к пассивной. Проявление же ревности чаще проявляется у незрелых супругов, о чем свидетельствуют данные по активной позиции.

Полученные данные о конфликтах, которые связаны с вопросом расхождения отношения к деньгам, у супругов с разным уровнем личностной зрелости совпали. Мы можем видеть, что и в том, и в другом случае супруги принимают

пассивную позицию, но при этом есть и те супруги, которые, возможно, считают, что партнеры нерационально распоряжаются деньгами.

Результаты по методике «Стратегия и тактика поведения в конфликтной ситуации» Томаса-Килманна показали, что супруги с удовлетворительным уровнем личностной зрелости способны конструктивно решать конфликтные ситуации, так как они чаще прибегают к сотрудничеству. Для респондентов с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости характерно преобладание стратегии компромисса ($U_{Эмп} = 24,08$, $p \leq 0,01$) и избегания.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее конфликтогенными для молодых супругов являются проблемы «расхождения в отношении к деньгам», «вопросы, связанные с воспитанием детей», «проблемы отношений с родственниками и друзьями» и «проявление стремления к автономии» в браке.

2. Супруги с удовлетворительным уровнем личностной зрелости чаще используют стратегию сотрудничества и имеют более низкий уровень конфликтности.

3. Супруги с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости чаще используют стратегию компромисса и избегания, но демонстрируют более высокий уровень конфликтности.

4. Супруги с удовлетворительным уровнем личностной зрелости в конфликтной ситуации предпочитают активные позиции, т. е. открыто заявляют о своих претензиях и несогласиях и стремятся их обсуждать.

5. Супруги с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости чаще прибегают к пассивной позиции в конфликте, что не позволяет им конструктивно эти конфликты разрешать.

Список использованной литературы

1. Ковалев С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалев. — Москва : Просвещение, 2018. — 325 с.
2. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. — Санкт-Петербург : Речь, 2016. — 408 с.
3. Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений / Н. Н. Обозов. — Киев, 2011. — 212 с.
4. Сысенко В. А. Супружеские конфликты / В. А. Сысенко. — Москва : Мысль, 2013. — 62 с.
5. Сысенко В. А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия / В. А. Сысенко. — Москва : Финансы и статистика, 2011. — 198 с.
6. Юркевич Н. Г. Этика и психология семейной жизни / Н. Г. Юркевич, А. С. Красовский, С. Н. Бурова. — Минск : Асвета, 2019. — 145 с.
7. Харли У. Ф. Его нужды, ее нужды: создание супружеских отношений, защищенных от измен / У. Ф. Харли ; пер. с англ. Т. В. Титаровская. — Санкт-Петербург : Христофор, 2013. — 205 с.

Информация об авторах

Трофимова Елена Леонидовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет, доцент кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии, факультета психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: trofimova-bgu@mail.ru.

Прейдис Мария Алексеевна — студент факультета психологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация.

Authors

Trofimova Elena Leonidovna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Associate Professor of the Basic Department of Social, Emergency and Penitentiary Psychology, Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: trofimova-bgu@mail.ru.

Preydis Maria Alekseevna — Psychology student, Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation.

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ ПОДРОСТКОВ С ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме изучения внутриличностного конфликта у подростков, имеющих интернет-зависимость. Раскрывается суть понятия внутриличностный конфликт, проанализированы конструктивные и деструктивные пути выхода из конфликта. Проанализировано влияние внутриличностного конфликта на интернет-зависимых подростков. Рассмотрены основные возрастные и психологические особенности подросткового возраста. Определены основные причины и механизмы формирования интернет-зависимости у подростков. Теоретически обоснованы взаимосвязи внутриличностного конфликта от интернет-зависимости. Авторами установлено, что неразрешенный внутриличностный конфликт является вероятностной причиной развития интернет-зависимости. Использование интернета может способствовать снижению негативного влияния внутриличностного конфликта на психологическое состояние подростка.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт; подростки; подростковый возраст; интернет-зависимость

А. О. Kvitko

INTRAPERSONAL CONFLICT OF ADOLESCENTS WITH INTERNET ADDICTION

Abstract. This article is devoted to the problem of studying intrapersonal conflict in adolescents with Internet addiction. The essence of the concept of intrapersonal conflict is revealed, constructive and destructive ways out are analyzed. The influence of intrapersonal conflict on Internet-addicted adolescents has been studied. The main age and psychological features of adolescence are highlighted. The main causes and mechanisms of the formation of Internet addiction in adolescents are determined. The relationship between a person's intrapersonal conflict and the development of Internet addiction is considered. The authors found that unresolved intrapersonal conflict is the cause of the development of Internet addiction. Using the Internet can be a way to reduce the negative impact of intrapersonal conflict on the psychological state.

Keywords: intrapersonal conflict; adolescents; adolescence; Internet addiction

Внутриличностный конфликт является распространенной проблемой для современного человека. Такой конфликт выражает в себе противостояние двух противоречивых позиций в душе индивида. Очень часто присутствие внутриличностного конфликта влечет за собой ухудшение эмоционального состояния. Только если взрослый человек может своими силами справиться с противоречием, используя для этого жизненный опыт и личностные ресурсы, то для подростка это может стать серьезной проблемой. Подростковый возраст не позволяет эффективно справиться с внутриличностным конфликтом, так как в этот

период перестраиваются коренные психологические структуры, формируются психические новообразования, закладываются основы сознательного поведения, развиваются социальные установки и нравственные представления.

Отечественный ученый Н. В. Гришина понимает под внутриличностным конфликтом противостояние двух начал в душе человека, воспринимаемое и эмоционально переживаемое человеком как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения [1]. В контексте теорий развития личности Л. С. Выготского и Л. И. Божович под конфликтом понимается психологическое явление, сопровождающее процесс развития личности и проявляющееся в момент, когда человек сталкивается с возрастными кризисами. Изучив научные источники по данной проблеме, мы можем констатировать, что внутриличностный конфликт — это негативное переживание, обусловленное затянувшимся противостоянием различных структур внутреннего мира человека, отражающее его противоречивые связи с внешним миром и препятствующее принятию решений.

По мнению С. А. Корзун, преодолением внутриличностного конфликта является восстановление своего внутреннего мира, снижение негативного влияния возникших противоречий. Существуют деструктивные и конструктивные способы разрешения ситуации внутриличностного конфликта. Однако только при конструктивном решении конфликта можно достичь внутреннего спокойствия и равновесия. Выделяют несколько условий конструктивного разрешения конфликтов [3, с. 73]:

- осознание присутствия противоречия во внутреннем мире, анализ причин возникновения конфликта;
- проявление активных действий по разрешению внутриличностного конфликта;
- появление мотивации для решения возникшего конфликта;
- наличие ответственности за свое внутреннее состояние у личности, осмысление причинно-следственных связей возникновения конфликтов.

Деструктивный способ решения внутриличностного конфликта характеризуется отрицанием и дистанцированием от причины внутренних переживаний. Человек всеми силами пытается уйти от неприятного внутреннего состояния, что может привести к развитию аддиктивного поведения. Пока вытесненная ценность или норма не беспокоит своего собственное внутреннее «Я», человек живет в спокойствии и комфорте с собой. Но как только эта норма вновь предстает перед личностью, происходит внутренняя борьба и человек вновь переживает внутриличностный конфликт [4, с. 307].

В подростковом возрасте индивид может часто сталкиваться с внутриличностным конфликтом, так как происходит процесс формирования черт характера, жизненных целей и ценностных ориентаций. От того, насколько успешно человек преодолеет кризис подросткового возраста, зависит успешность вхождения во взрослую жизнь. В психологической литературе по-разному определяются границы подросткового возраста. В нашем исследовании мы будем придерживаться взглядов А. М. Прихожан, которая считает, что

данный период длится с 10-11 до 16-17 лет, что совпадает со временем обучения детей в 5–11 классах.

Изучая научную литературу, мы выделили биологический аспект переходного возраста. С 10 до 15 лет начинается половое созревание, во время которого происходит интенсивное физическое и физиологическое развитие, изменяется работа гормонов, увеличивается рост и масса тела. Все это оказывает сильную нагрузку не только на организм, но и на психологическое состояние, поэтому этот период является трудным для подростка [7].

В подростковом возрасте происходит смена ведущей деятельности. Отечественные педагоги и психологи по-разному выделяют ведущую деятельность в этом возрасте: например, Л. И. Божович в качестве ведущего занятия подростка выделяет учебную деятельность; Д. Б. Эльконин, в свою очередь, главное место отдает общению; по мнению Д. И. Фельдштейна, ведущей деятельностью является общественно-полезная деятельность [7]. Из вышесказанного вытекает, что для подростка важно не только реализоваться в обучении, но и стать значимым членом общества по средствам общения или достижений в общественно-полезной деятельности. Необходимо сделать акцент на том, что мнение сверстников имеет наибольшую значимость для личности подростка. Поэтому для подростка важно быть популярным среди сверстников и иметь значимую для себя группу. Проблемы в межличностном взаимодействии может оказать негативное влияние на психологическое состояние подростка. Для реализации своей личностной позиции нужна деятельность, в которой он может самореализоваться. Ведущая деятельность становится источником развития психических новообразований, главным новообразованием данного возраста, по мнению Э. Шпрангера, является рефлексия и осознание подростком личностной индивидуальности.

Стоит обратить внимание на то, что подростку, в силу возрастных особенностей, приходится самостоятельно искать выход из сложных ситуаций, которые оценены им как стрессовые. Ему еще свойственна детская впечатлительность, и любой конфликт может спровоцировать травматическое переживание. В результате наблюдается феномен самопровоцирования стресса, связанного с недовольством своей внешностью как неудовлетворяющей представлениям подростка о привлекательности [2, с. 48].

В силу возрастных особенностей подростки являются группой риска для развития зависимости от интернета. Это объясняется тем, что данный период связан с изменением мотивационно-потребностной сферы личности, причиной которого служит желание реализовать имеющиеся возможности и оценить себя, найти свое место в мире.

Термин «интернет-зависимость» был введен А. Голдбергом, который понимал под интернет-зависимостью он понимал наличие у человека поведения с низким уровнем волевой саморегуляции.

Исследователи выделили проблемы, возникающие из-за интернет-зависимости: эскапизм, социальную дезадаптацию, конфликтность и агрессивность, потерю способности контролировать время пребывания за компьютером, воз-

никновение чувства дискомфорта при отсутствии возможности пользования интернетом. В своих исследованиях С. В. Молчанов [5, с. 67] выделяет следующий механизм формирования зависимости от Интернета:

- этап первых проб к способу действия, улучшающему психическое состояние при состоянии стресса и сильных негативных эмоциях;
- этап систематического обращения к способу;
- этап формирования зависимости;
- этап личностной деструкции (негативные личностные изменения, изменения образа жизни, десоциализация).

В своем большинстве отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что чрезмерное использование сети негативно сказывается на развитии подростков. По мнению ряда авторов, таких как В. Л. Малыгина, Н. С. Хомерики и Е. А. Смирнова, вероятность развития зависимости от интернета ими связывается с индивидуальными характеристиками подростков: во-первых, это связано с психоэмоциональным напряжением; во-вторых, со стрессом и тревожностью; в-третьих, с наличием неразрешенных личностных конфликтов; в-четвертых с эмоциональной отчужденностью и отсутствием навыков общения; и в последнюю очередь с потребностью в новых ощущениях.

Исследование М. А. Репиной [6, с. 162] обозначает, что интернет может оказывать не только негативное, но и положительное влияние на подростков, в случае, если он является средством реализации их потребностей, которые они по каким-либо причинам не могут осуществить в реальном мире:

- коммуникативных (интимно-личностное, дружеское, деловое общение);
- аффилиации (новые знакомства, сотрудничество, поиск единомышленников, сопричастность к группе, партнерство);
- потребности в саморазвитии (творческая реализация, самообразование, демонстрация достижений);
- рекреации (игры, досуг, увлечения).

В работе Н. В. Гришиной [1] идет речь о том, что невозможность реализовать значимые потребности для человека ведет к невротическому состоянию, и, следовательно, фактор личностной значимости является одним из центральных в образовании внутриличностных конфликтов.

Таким образом, мы пришли к выводу, что внутриличностный конфликт — это противоречие между различными сторонами одной личности. И если противоречия, занимающие значимое место в структуре личности и касающиеся ценностей, на которых базируется смысл жизни человека, продуктивно не разрешаются, то внутриличностный конфликт может привести к личностной деструкции. Неразрешенный внутриличностный конфликт может стать причиной формирования нарушений в мотивационно-ценностной сфере личности, что может привести к развитию зависимости от интернета. Особенно высокий риск не справиться внутренним конфликтом имеется у подростков, так они проходят кризисный этап развития, и если подросток не может удовлетворить свои потребности в общении, любви или достижении успеха в реальной жизни, то он пытается получить это в интернете. Однако действия, выполняющиеся в сети, не являются реальными, только дают возможность отвлечь сознание от проблемы. В

конце концов внутриличностный конфликт не разрешается, а наоборот, еще больше усугубляется, приводя к неврозам и психосоматическим проявлениям.

Список использованной литературы

1. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. — Санкт-Петербург : Питер, 2000. — 464 с.

2. Киселева Т. Г. Индивидуальные особенности подростков, предрасположенных к интернет-зависимости / Т. Г. Киселева // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2017. — № 3. — С. 46–50.

3. Корзун С. А. Внутриличностный конфликт девиантных подростков: специфика проявления / С. А. Корзун // Психологический журнал. — 2009. — № 1 (21). — С. 71–75.

4. Кузьменкова О. В. Стратегии разрешения внутриличностных конфликтов старших подростков / О. В. Кузьменкова, В. В. Ксенофонтова // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — № 71-1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-razresheniya-vnutrilichnostnyh-konfliktov-starshih-podrostkov> (дата обращения: 12.10.2022).

5. Молчанов С. В. Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте / С. В. Молчанов, О. В. Алмазова, Н. Н. Поскребышева // Национальный психологический журнал. — 2018. — № 3. — С. 57–68.

6. Репина М. А. Проблема интернет-зависимости среди подростков / М. А. Репина, А. Ф. Федоров // Молодой ученый. — 2014. — № 20 (79). — С. 662–664.

7. Фельдштейн Д. И. Возрастная и педагогическая психология: избранные психологические труды / Д. И. Фельдштейн. — Москва : Изд-во МПСИ, 2012. — 427 с.

Информация об авторе

Квитко Ангелина Олеговна — студент, кафедра социальной педагогики и психологии, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: kvitkoangelina333@gmail.com.

Author

Kvitko Angelina Olegovna — Student, Department of Social Pedagogy and Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kvitkoangelina333@gmail.com.

РАЗДЕЛ 4. СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 316.473

**Г. В. Жигунова,
Ю. А. Афонькина**

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРО-АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ К «НЕТИПИЧНОМУ» РЕБЕНКУ*

Аннотация. Показывается значимость социально-психологических факторов в возникновении отношенческих барьеров в процессе социализации «нетипичного» ребенка. Анализируется отношение населения арктических территорий европейской части России к «нетипичному» ребенку по результатам социологического исследования, проведенного авторами в европейской части Арктической зоны Российской Федерации в 2022 г. (выборка составила 861 чел.). Показывается неоднозначное восприятие детей с инвалидностью в региональном социуме при значительной распространенности эмоций сострадания, страха и жалости. Обосновывается необходимость формирования положительного образа ребенка с инвалидностью, что требует целенаправленной работы в данном направлении.

Ключевые слова: «нетипичный» ребенок; ребенок-инвалид; социально-психологические факторы адаптации; инклюзивные процессы; Евро-Арктические территории России

**G. V. Zhigunova,
Yu. A. Afonkina**

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE ATTITUDE OF THE RESIDENTS OF THE EURO-ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIA TO THE «ANOTYPICAL» CHILD**

Abstract. The significance of socio-psychological factors in the emergence of relational barriers in the process of socialization of an «atypical» child is shown. The attitude of the population of the Arctic territories of the European part of Russia to an «atypical» child is analyzed based on the results of a sociological study conducted by

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00795 «Нетипичное» детство как социальный феномен в условиях развития инклюзивных процессов на территории Евро-Арктического региона России», <https://rscf.ru/project/22-28-00795> (дата обращения: 12.10.2022).

** The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00795 «Atypical» childhood as a social phenomenon in the context of the development of inclusive processes in the Euro-Arctic region of Russia», <https://rscf.ru/project/22-28-00795> (дата обращения: 12.10.2022).

the authors in the European part of the Arctic zone of the Russian Federation in 2022 (the sample was 861 people). It shows an ambiguous perception of children with disabilities in the regional society with a significant prevalence of compassion, fear and pity. The necessity of forming a positive image of a child with a disability is substantiated, which requires purposeful work in this direction.

Keywords: «atypical» child; disabled child; socio-psychological factors of attitude; inclusive processes; Euro-Arctic territories of Russia

Актуальность проблемы отношения к «нетипичным» детям обусловлена имеющейся потребностью детей со стойкими нарушениями здоровья в равноценном (наряду со сверстниками) участии в социальных практиках, свойственных определенному возрасту, необходимых для социализации и формирования личности ребенка. Однако существующие социальные барьеры сегодня все еще не позволяют данным детям полноценно включаться в различные среды и взаимодействия. Социально-психологические барьеры, основываясь на определенных эмоциях и чувствах окружающих, играют при этом значительную роль, не позволяя установлению контактов и совместной деятельности.

Индивиды со стойкими нарушениями здоровья в восприятии окружающих попадают в категорию нетипичных в связи с визуально определяемыми отличительными характеристиками телесности данных лиц, позволяющими отнести их к «инаковым», «чужим», «не таким, как все».

Н. Н. Малофеев, описывая различные типы отношения общества к «нетипичным» людям, выделяет модели восприятия человека с инвалидностью как «больного» человека, «недочеловека», «угрозы обществу», объектов «жалости» и «обременительной благотворительности», а также «развития» [2, с. 113].

Весьма сложной категорией «нетипичных» индивидов являются дети с сенсорными, ментальными или опорно-двигательными нарушениями, которые существенно усложняют включение в свойственные определенному возрасту виды деятельности и практики.

По данным исследований, проведенных в России, восприятие людей с инвалидностью согражданами отличается стереотипностью [3, с. 107], предвзятостью и негативностью [1, с. 44], в результате чего люди с инвалидностью сами не желают взаимодействовать с социумом [4, с. 93]. Учитывая сказанное, отношенческие барьеры по праву могут считаться основными барьерами самореализации и социализации подрастающего поколения с инвалидностью.

С целью выявления особенностей социально-психологического отношения к «нетипичному» ребенку в 2022 г. авторами был проведен опрос среди жителей Евро-Арктического региона России. Для опроса использовалось онлайн-анкетирование при квотной выборке численностью 861 чел. в возрасте от 18 до 78 лет (выборка пропорциональна численности населения арктических территорий европейской части России, включая в себя: 6 % (52 чел.) жителей арктических территорий Республики Карелия, 4,5 % (39 чел.) Республики Коми, 3,9 % (34 чел.) Ненецкого Автономного округа (далее — НАО), 37,9% (326 чел.) — Архангельской области, 47,6 % (410 чел.) — Мурманской области). При этом

наиболее активными оказались женщины, которые преобладали в выборке — 91,2 % (785 чел.) женщин и 8,8 % (76 чел.) мужчин.

Результаты опроса показали, что при встрече с ребенком-инвалидом большая часть опрошенных испытывает сострадание и сочувствие (68,9 % по совокупности ответов «всегда» и «достаточно часто») и почти столько же (66,5 %) испытывают страх и ужас; 45,2 % респондентов чувствуют жалость, 26,7 % — дискомфорт, смутение. Такие эмоции и чувства, как восхищение, любопытство, равнодушие, гордость, испытывает не более 17,5 % (рис. 1).

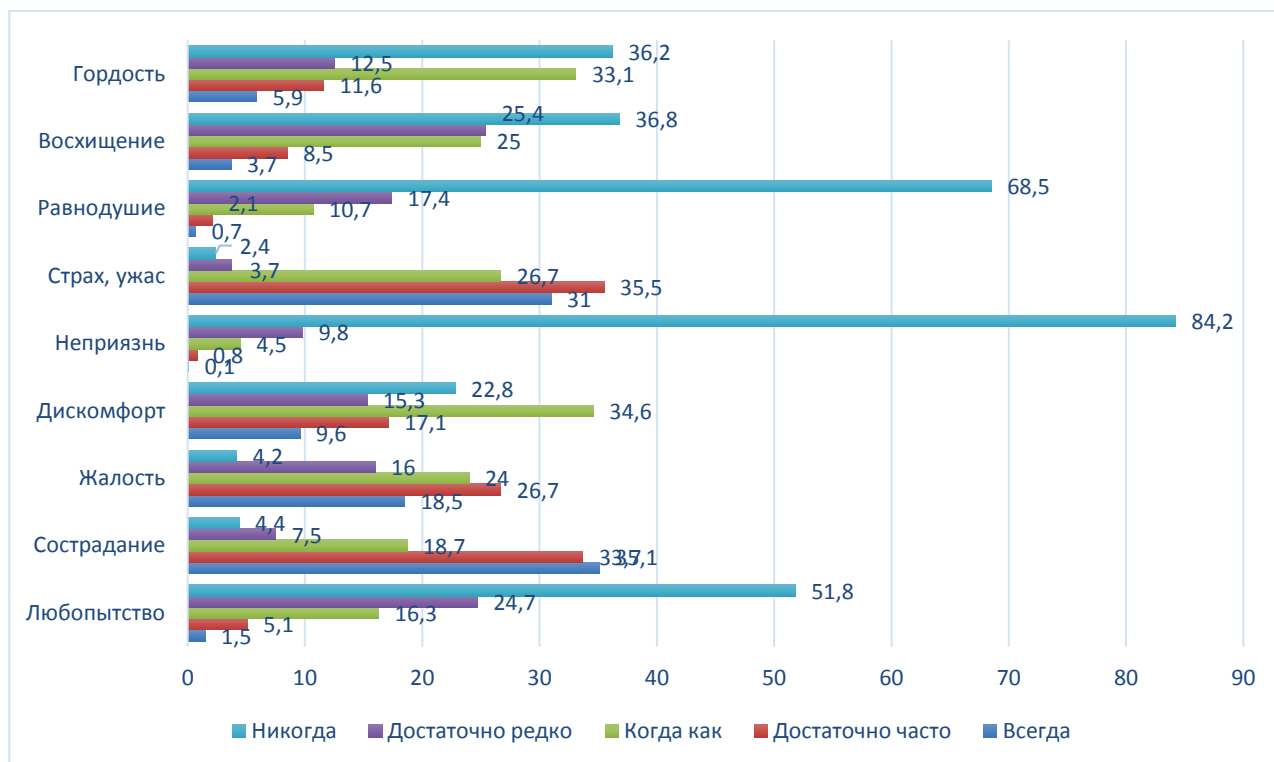

Рис. 1. Эмоциональное восприятие детей с инвалидностью респондентами, %

Социально-психологические особенности отношения по регионам были выявлены на основании индексов, рассчитанных по разнице наличия и отсутствия тех или иных эмоций в ответах респондентов, где 1 означает максимальное значение показателя, а -1 — минимальное. Особенности социально-психологических аспектов отношения к детям с инвалидностью в зависимости от региона следующие.

Жители большинства Евро-Арктических территорий России в отношении «нетипичных» детей чаще всего испытывают страх. Индекс данной эмоции в Архангельской области составляет 0,67, в НАО — 0,59, в Мурманской области — 0,56. В Республике Коми страх не выступает доминирующей эмоцией, однако ее испытывает значительно большее количество людей (индекс 0,77), а в Республике Карелия данная эмоция присуща менее половине опрошенных: индекс составляет 0,40.

Чаще всего эмоцию сострадания испытывают жители Республики Коми, где индекс составляет 0,95. У других регионов сострадание находится на втором месте после страха (в Архангельской области индекс составил 0,63, в НАО —

0,56, в Мурманской области — 0,51), в Республике Карелия данная эмоция разделяет первое место вместе с эмоцией страха (индекс 0,40).

На третьем месте у опрошенных находится эмоция жалости: индекс в Республике Коми составляет 0,46, в НАО — 0,38, в Архангельской области — 0,24, в Республике Карелия — 0,18, в Мурманской области — 0,04.

Остальные эмоции и чувства в восприятии детей с инвалидностью имеют отрицательные индексы, указывающие на их меньшую распространенность. При этом менее всего распространены эмоции неприязни, равнодушия, любопытства, которые примерно одинаково представлены по рассматриваемым регионам, составляя от $-0,97$ до $-0,73$ балла (рис. 2).

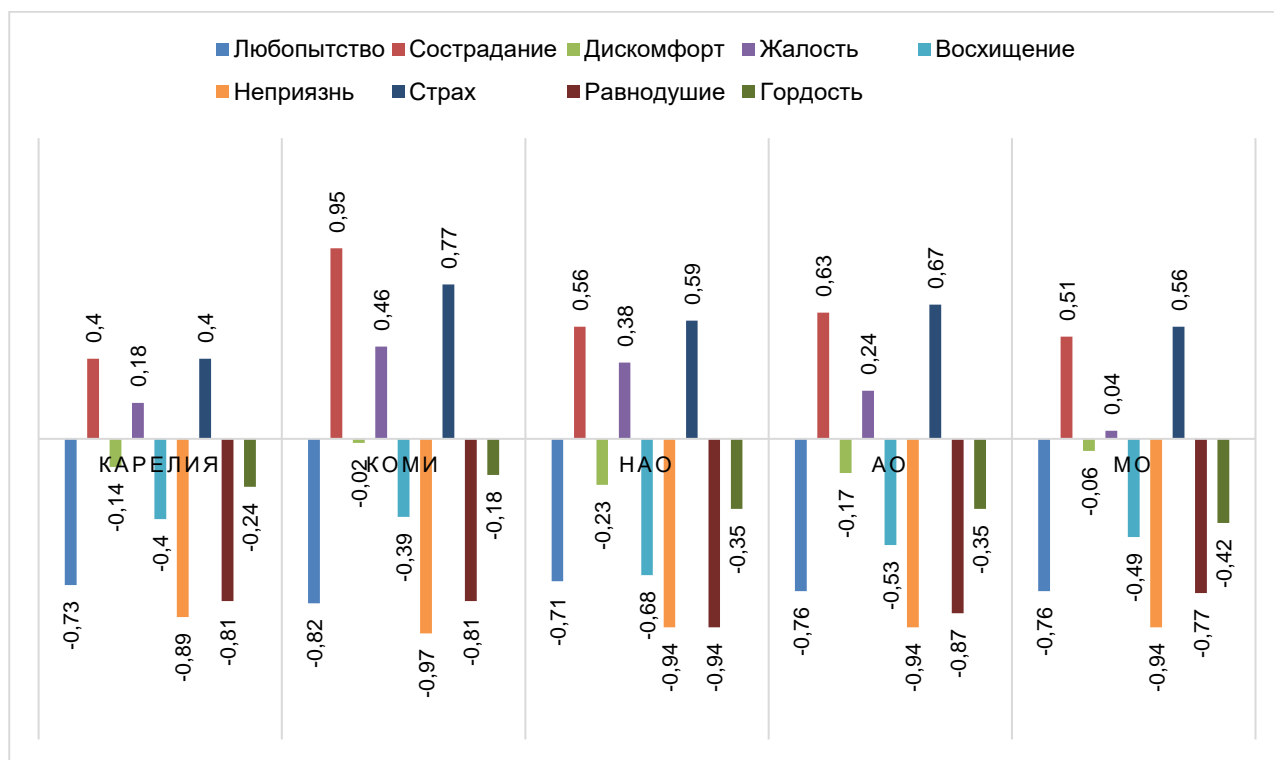

Рис. 2. Индексы эмоций в отношении к детям с инвалидностью по регионам

Несколько по-другому распределяются эмоции респондентов при ответе на вопрос об испытываемых чувствах к «нетипичным» детям в зависимости от уровня их активности. В отношении детей, которые стремятся вести активный образ жизни, опрошенные в большинстве своем относятся с восхищением — от 91,3 % к детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата до 75,4 % к детям с психическими нарушениями. Остальные чувства и эмоции — сочувствие, равнодушие, жалость, неприязнь и др. — примерно одинаковы по всем категориям детей, но несколько больше в отношении детей с психическими нарушениями (рис. 3).

К детям, которые ведут пассивный образ жизни, практически половина респондентов испытывает сочувствие, выступающее преобладающей эмоцией в данном случае. В отношении к данным детям в несколько раз увеличивается чув-

ство жалости, как, например, к детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата, увеличившись с 0,9 % до 16,7 % (рис. 4). По регионам каких-либо различий не выявлено.

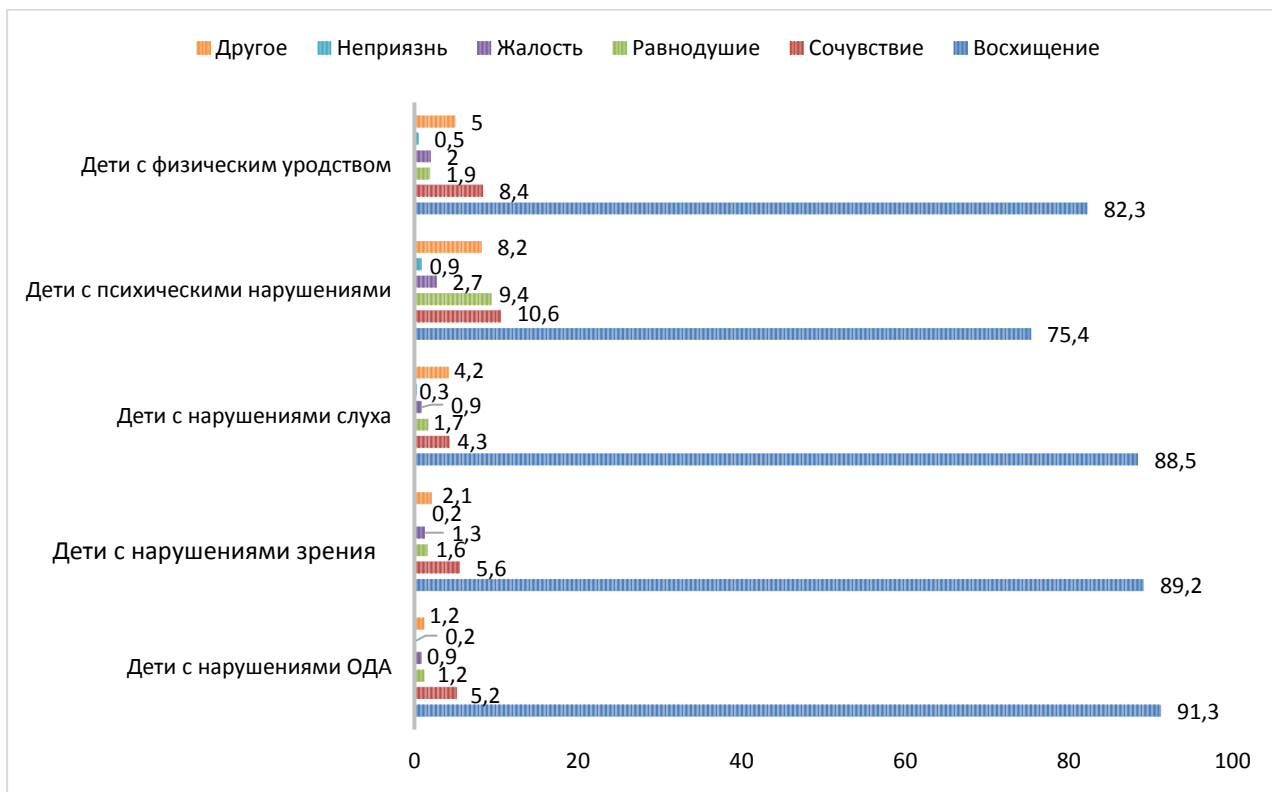

Рис. 3. Эмоции в отношении детей с инвалидностью, стремящимся вести активный образ жизни, %

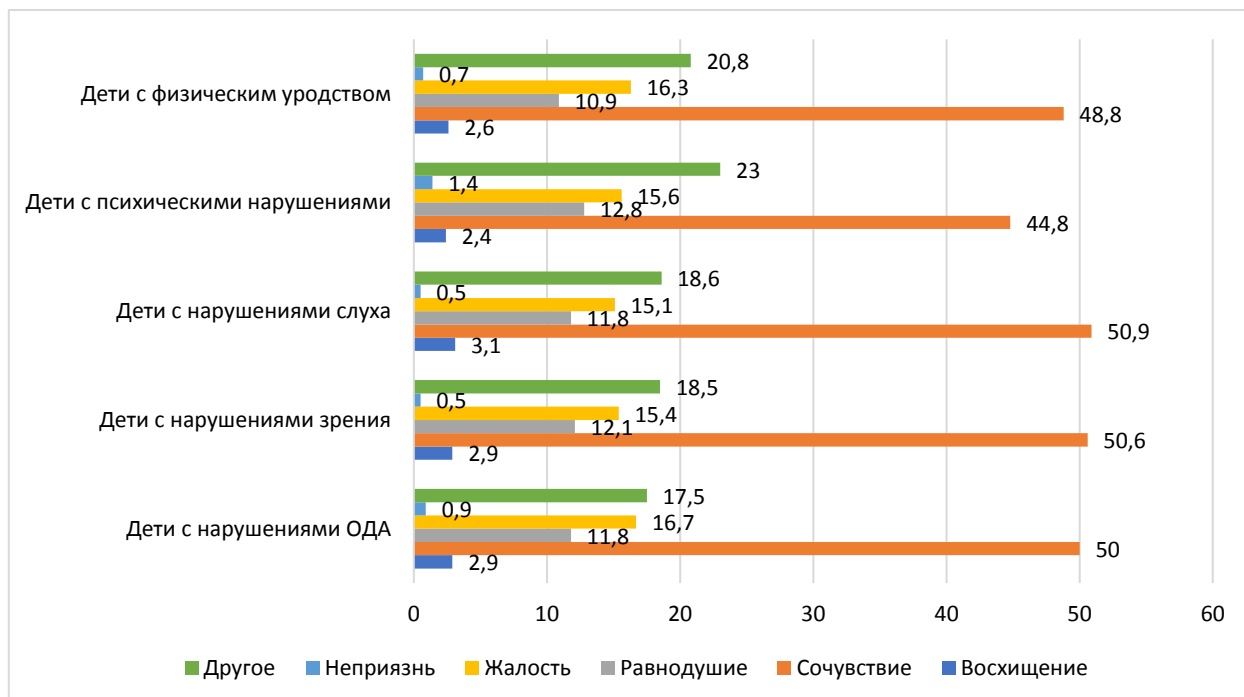

Рис. 4. Чувства, испытываемые респондентами к детям с инвалидностью, которые ведут пассивный образ жизни, %

Таким образом, результаты исследования выявили, что среди жителей Евро-Арктического региона России в отношении детей с инвалидностью больше всего распространены эмоции сострадания, страха и жалости. При этом граждане восхищаются детьми, которые стараются вести активный образ жизни и сочувствуют тем, кто по каким-либо причинам ведет пассивный образ жизни. В зависимости от типов нарушений здоровья различий в эмоциональном отношении не выявлено. Учитывая противоречивость испытываемых респондентами эмоций к «нетипичным» детям на Евро-Арктической территории России, необходимо создавать условия для включения детей с инвалидностью в социум и позитивных социальных взаимодействий, которые будут способствовать формированию положительного образа «нетипичных» детей.

Список использованной литературы

1. Жигунова Г. В. Представления об инвалидности в региональном социуме / Г. В. Жигунова, Ю. А. Афонькина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. — 2019. — № 4. — С. 37–45.
2. Малофеев Н. Н. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии / Н. Н. Малофеев. — Москва, 2003. — 256 с.
3. Нацун Л. Н. Интеграция инвалидов и общества: результативность мероприятий региональной социальной политики (на примере Вологодской области) / Л. Н. Нацун // Проблемы развития территории. — 2019. — № 2 (100). — С. 95–114.
4. Шаповал И. А. Социальная инклюзия лиц с ограниченными возможностями здоровья де-юре и де-факто: «включаемые», «включающиеся», «невключающиеся» / И. А. Шаповал // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология. Педагогика. Психология. — 2019. — С. 84–98.

Информация об авторах

Жигунова Галина Владимировна — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация, e-mail: galina-zhigunova@yandex.ru.

Афонькина Юлия Александровна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и коррекционной педагогики, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация, e-mail: julia3141@rambler.ru.

Authors

Zhigunova Galina Vladimirovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation, e-mail: galina-zhigunova@yandex.ru.

Afonkina Yulia Aleksandrovna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Correctional Pedagogy, Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation, e-mail: julia3141@rambler.ru.

РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ, ГОТОВЫХ К ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ, СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ, БИЗНЕСА И УПРАВЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 159.9:316.6

Д. М. Зимина

РЕКЛАМА КАК ФАКТОР КОНФЛИКТНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется понятие «доверие к рекламе» как причина возникновения конфликтов. Описывается теория поколений по У. Штраусу и Н. Хоуву. Описаны результаты контрольного исследования с целью изучения показателей внутриличностного конфликта. У представителей разного поколения диагностировались показатели внутриличностного конфликта, связанного с уровнем удовлетворенности от покупки рекламируемого продукта. Выявлены результаты при исследовании выбранных групп, заключающиеся в следующем: провокационная реклама приводит к социальному конфликту, а лживая реклама создает предпосылки для внутриличностного конфликта.

Ключевые слова: доверие к рекламе; внутриличностный конфликт; поколение X; поколение Y; миллениалы

D. M. Zimina

ADVERTISING AS A CONFLICT FACTOR

Abstract. Howe is described. The results of a control study to study the indicators of intrapersonal conflict are described. Representatives of different generations were diagnosed with indicators of intrapersonal conflict associated with the level of satisfaction with the purchase of the advertised product. The results of the studied groups were revealed, which are as follows: provocative advertising leads to social conflict, and false advertising creates prerequisites for intrapersonal conflict.

Keywords: trust in advertising; intrapersonal conflict; generation X; generation Y

Актуальность данного исследования заключается в том, что люди уже настолько привыкли к рекламе, что стараются всячески абстрагироваться от нее. Реклама в большинстве случаев вызывает лишь раздражение и недовольство. Доверие к рекламируемому продукту не могут вызывать даже известные люди и «эксперты» (по факту обычные актеры, которые играют врачей, учителей и прочих людей с общественно значимыми профессиями). Но также встречаются люди, которые, в силу своих личностных особенностей, слепо доверяют рекламе.

А это не всегда заканчивается положительным опытом. Именно поэтому следует более подробно изучить рекламу как конфликтоген.

В данной статье нашей целью является изучить рекламу как причину и как фактор возникновения социальных и внутриличностных конфликтов.

Доверие к рекламе — это отношение потенциального потребителя к рекламной информации как к правдивой, объективной. Доверие к рекламе состоит из убеждений о ее надежности и готовности делать так, как передана информация в рекламном сообщении [2].

Исследователи выделяют ряд характеристик, на основании которых можно говорить о доверии к рекламе. К числу этих характеристик, по мнению А. Н. Лебедева, относятся честность, надежность, доброжелательность и компетентность [3].

Особенность рекламы состоит в том, что люди вообще склонны скорее не доверять ей, чем верить. Однако рекламные агенты находят все новые и новые способы завоевания доверия потребителя.

Рассмотрим вопрос, касающийся видов конфликта, которые может спроецировать реклама. В первую очередь реклама может вызвать социальный конфликт. Об этом более подробно говорила в своей статье «Социальные конфликты вокруг размещения провокационной рекламы» Анна Геннадьевна Милюкова. Согласно данным, полученным из ее исследования, следует, что самым конфликтогенным рекламным носителем является наружная реклама. Также особенностью данных конфликтов является анонимный, безличный характер одной из сторон конфликта. Данные конфликты институализированы, что снижает социальную напряженность и интенсивность конфликтных действий [4].

Помимо социальных конфликтов, реклама может также спроецировать внутриличностный конфликт. Данный вид конфликта может произойти из-за неоправданных ожиданий от покупки, которую человек совершил, доверившись рекламе.

Говоря о доверии к рекламе, нужно рассматривать не только индивидуальные особенности, но также эпоху, в которую происходило становление индивида. Так, люди, которые застали становление рекламы, будут более внимательными и избирательными к ней, нежели те, кто родился в эпоху информации и окружен ей буквально с пеленок.

Различия между поколениями всегда было и остается актуальной проблемой (проблема отцов и детей). Однако о повторяющихся поколенческих циклах впервые заговорили Уильям Штраус и Нил Хоу. Именно их теория поколений и легла в основу данного исследования [5].

Теория поколений по Штраусу и Хоуву:

1. Поколение X — 1961–1981 гг. Его отличительными особенностями являются такие черты, как умение рассчитывать только на себя, альтернативное мышление, информированность о том, что происходит в мире, готовность выбирать и меняться. По большому счету люди этой возрастной категории являются одиночками, которые нацелены на упорный труд и достижение индивидуального успеха;

2. Поколение Y (миллениалы) — 1982–2004 гг. Многие представители поколения Y хотят «быть не таким, как все» и ярче выделяться из толпы.

Эксперты отмечают, что для большинства миллениалов создание семьи не приоритет — в поколении Y больше чайлдфри. Вообще для многих миллениалов характерно оттягивать переход во взрослую жизнь: если их предшественники уже в 22-23 года обзаводились семьей, то среди миллениалов это не так распространено.

3. Поколение Z (зумеры) — с 2005 по приблизительно 2025 г. Большинство зумеров не любят концентрироваться на длинных академических текстах. Но многие интересуются наукой и технологиями — биомедициной, робототехникой, программированием и экологией. Для зумеров характерен культ легкого успеха: многие представители поколения Z уже успели раскрутиться в интернете, заработав миллионы. Взгляды на образование тоже изменились: все больше зумеров замечают недостатки современной школьной системы.

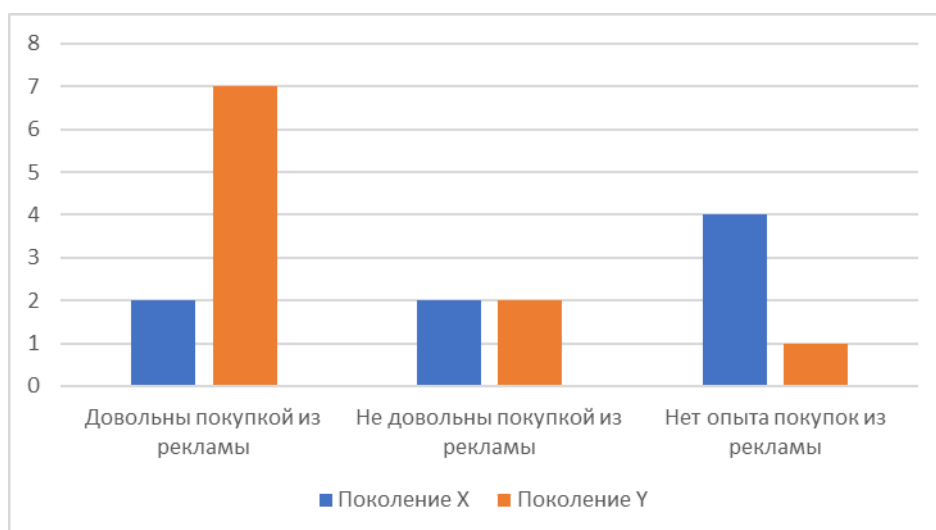
Исследование было проведено в апреле 2022 г. на базе Байкальского государственного университета среди студентов третьего курса направления «Психология служебной деятельности». Также в исследовании приняли участие женщины в возрасте от 40 до 60 лет.

В исследовании приняли участие 20 испытуемых: 10 девушек в возрасте от 22 до 22 лет и 10 женщин в возрасте от 40 до 60 лет.

Данный возраст был выбран, поскольку именно такие временные рамки входят в теорию поколений, которая лежит в основе исследования.

Для установления уровня доверия к рекламному сообщению у испытуемых были выбраны следующие методики: «Шкала социального доверия» Дж. Б. Роттера, анкета «Исследование доверия к рекламе», метод психотехнического анализа рекламы по Е. Е. Прониной. А для выявления взаимосвязи между уровнем удовлетворенности от покупок прорекламированного товара и доверием к рекламе был выбран корреляционный анализ Спирмена.

По результатам обработки данных нам удалось выяснить, что для миллениалов характерен не только высокий уровень доверия к рекламе, но и уровень социального доверия в целом. Для них характерно совершать покупки из рекламы, а также их ожидания от покупки чаще совпадают с реальностью (рис.).

Уровень удовлетворенности покупками из рекламы

Для поколения X же характерно отсутствие опыта покупок из рекламы (шесть человек из десяти). Скорее всего это связано с тем, что для них характерен высокий уровень недоверия. А поскольку они не доверяют рекламе, то и покупки из нее делают неохотно. Также можно заметить, что количество довольных и недовольных своими покупками из рекламы находится на одном уровне (по два испытуемых из десяти).

Благодаря проведенному корреляционному анализу были выявлена взаимосвязь между уровнем удовлетворения от покупок из рекламы с доверием к рекламе, доверием к ТВ-рекламе и совершением покупок из рекламы.

Так, по результатам корреляционного анализа выявлена значимая прямая связь между совершением покупок из рекламы и уровнем удовлетворенности от них ($r = 0,798$, $p < 0,01$). Следовательно, чем больше люди совершают покупки из рекламы, тем больше удовлетворенности от них они испытывают. Данная связь является наиболее тесной из всех выявленных по результатам корреляционного анализа (наиболее высокий по модулю коэффициент корреляции).

Чуть менее тесной является прямая связь между уровнем удовлетворенности от покупок и доверием к телевизионной рекламе ($r = 0,480$, $p < 0,05$). Следовательно, чем больше уровень удовлетворенности от покупок, совершаемых из рекламы, тем выше доверие к ТВ-рекламе.

Также была выявлена обратная связь между уровнем удовлетворенности от рекламы и доверием к рекламе ($r = -0,498$, $p < 0,05$). Это значит, что уровень удовлетворенности от покупок из рекламы будет выше, если доверие к рекламе будет ниже.

Итак, обобщая полученные данные, можно говорить о том, что представители поколения X будут меньше подвержены возникновению внутриличностного конфликта на фоне несовпадения ожидания от рекламного продукта и его действительностью, поскольку у них наблюдается низкий отклик на рекламируемые продукты. Чего нельзя сказать о миллениалах, которые доверяют рекламе продукта, но также остаются довольными своей покупкой.

Подводя итоги теоретической и практической части, хочется сказать, что реклама является неотъемлемой частью жизни современного человека. Она приносит большое количество не только пользы, но и вреда. Провокационная реклама может привести к социальному конфликту, а лживая реклама может спровоцировать внутриличностный конфликт.

Список использованной литературы

1. Анцупов А. Я. Конфликтология : учеб. для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — Москва : ЮНИТИ, 2000. — 551 с.
2. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. — Москва : Институт психологии РАН, 2008. — 564 с.
3. Лебедев-Любимов А. Психология рекламы / А. Лебедев-Любимов. — Санкт-Петербург : Питер, 2007. — 368 с.

4. Милюкова А. Г. Социальные конфликты вокруг размещения провокационной рекламы (региональный аспект) / А. Г. Милюкова // Социодинамика. — 2017. — № 9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-konflikty-vokrug-razmescheniya-provokatsionnoy-reklamy-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 11.10.2022).

5. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 11.10.2022).

Информация об авторе

Зими́на Дарья Макси́мовна — студент специалитета, кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ms.ziminadasha@mail.ru.

Author

Zimina Darya Maksimovna — Specialist student, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: ms.ziminadasha@mail.ru.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К ИНТЕРНЕТ-СМИ С СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПОЗИЦИЯМИ МОЛОДЕЖИ

В статье исследуются социально-политические позиции молодежи во взаимосвязи с доверием к интернет-СМИ. Обосновывается наличие взаимосвязи между доверием к интернет-СМИ и социально-политическими позициями молодежи. Выдвинуты альтернативные гипотезы: благоприятный уровень доверия к интернет-СМИ у молодежи способствует формированию выраженных социально-политических позиций; уровень доверия к интернет-СМИ у молодежи никак не способствует формированию социально-политических позиций. Использована «Шкала социального доверия» Роттера и методика «Социальные и политические позиции» Г. Ю. Айзенка. Проведен корреляционный анализ Спирмена. Подтверждена вторая гипотеза.

Ключевые слова: интернет-СМИ; уровень доверия; социально-политические позиции; молодежь

E. D. Datsyuk

THE RELATIONSHIP OF THE LEVEL OF TRUST IN ONLINE MEDIA WITH THE SOCIO-POLITICAL POSITIONS OF YOUNG PEOPLE

The article examines the socio-political positions of young people in relation to trust in the Internet media. The author substantiates the existence of a relationship between trust in the Internet media and the socio-political positions of young people. Alternative hypotheses have been put forward: A favorable level of trust in the Internet media among young people contributes to the formation of pronounced socio-political positions; the level of trust in the Internet media among young people does not contribute to the formation of socio-political positions. The Rotter scale of social trust and the methodology of «Social and political positions» by Eysenck G. were used. A correlation analysis of Spearman was carried out. The second hypothesis has been confirmed.

Keywords: Internet media; level of trust; socio-political positions; youth

Доверие в первую очередь базируется на деловой, политической или нравственной репутации, зависит от достижений, ценностей и декларируемых смыслов. Старшее поколение больше доверяет классическим СМИ и выбирает в качестве новостных источников федеральное телевидение, а не веб-сайты. Присутствие цензуры на телевидении для старшего поколения считается гранью между истиной и ложью: она как фильтр, который, по их мнению, не пропускает неправдивую информацию в выпуск вещаний, тогда как в сети много «кликабельных заголовков» и «желтой» прессы, нацеленных на привлечение аудитории за счет психологического эффекта сенсации.

Молодежь стала более политически активна, имеет свою собственную позицию по отношению к разным вопросам и к власти в целом. Так как молодежь предпочитает получать информацию в интернете, повышается актуальность исследования взаимосвязи социально-политической позиции и доверия к различным интернет-СМИ.

Как показывают исследования, уровень доверия зависит от типа информации: например, 50 % молодежи считают информацию о действиях правительства на международной арене достоверной, а приблизительно 70 % доверяют информации из интернет-СМИ о природных катаклизмах. Сведения о деятельности оппозиции (верят 34 %), а также о положении дел в экономической сфере страны (около 31 %) вызывают меньше всего доверия. Известно, что «убеждение — это воздействие на сознание, чувства, волю людей посредством сообщения, разъяснения и доказательства важности того или иного положения, взгляда, поступка» [3, с. 177].

Молодежь более подвержена изменениям, а также перестройкам, их взгляды на жизнь более пластичны. На сегодняшний день средства массовой информации занимаются вопросами развития ценностей поколения. Но СМИ утратили воспитательную функцию и на данный момент преподносят себя как источник развлечений.

Социально-политические позиции открываются для каждого из нас индивидуально. Они представляют наши социальные и политические потребности, интересы и идеи, и ориентируют на достижение общественной договоренности путем гармонизации целей отдельных личностей, политических групп и социальных общностей, а также несут аспект общественного должностования.

Также очень важным является такой факт, что в современном политическом процессе происходит смена субъектов политической социализации молодежи: вместо государства, устанавливавшего систему ценностей, формы и нормы политического поведения, появляются множественные субъекты (владельцы медиаимперий, политические партии и объединения, зарубежные агенты влияния), преследующие зачастую сиюминутные политические интересы и использующие СМИ как инструмент манипулирования сознанием молодых граждан, а не созидательного процесса включения молодежи в политическую жизнь страны. В целом социальные сети занимают центральное место в политическом мировоззрении молодых людей, и многие доверяют им, считая их более аутентичными, разнообразными и не ориентированными на получение прибыли.

Эмпирическая база исследования. Исследование было проведено в мае 2022 г. Приняло участие десять человек в возрасте от 19 до 25 лет из г. Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Читы. Выбор именно этих испытуемых обуславливается тем, что они принадлежат к возрастным рамкам молодежи.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить уровень доверия молодежи к интернет-СМИ.

Объектом исследования является доверие молодежи к интернет-СМИ

Предметом исследования является взаимосвязь между социально-политическими позициями и уровнем доверия молодежи к интернет-СМИ

Гипотеза:

- благоприятный уровень доверия к интернет-СМИ у молодежи способствует формированию выраженных социально-политических позиций;
- уровень доверия к интернет-СМИ у молодежи никак не способствует формированию социально-политических позиций.

При диагностике уровня доверия молодежи к интернет-СМИ были использованы следующие методики:

- «Шкала социального доверия» Дж. Роттера;
- методика «Социальные и политические позиции» Г. Ю. Айзенка.

Для проверки гипотез был выбран корреляционный анализ (табл. 1).

Корреляционный анализ показал, что между «Шкалой социального доверия» Дж. Роттера и шкалами теста «Социально-политических позиций» Г. Ю. Айзенка нет никакой связи, что показывает верность нашей второй гипотезы: уровень доверия молодежи к интернет-СМИ никак не влияет на формирование социально-политических позиций. И, соответственно, мы можем опровергнуть нашу первую гипотезу, которая гласит, что благоприятный уровень доверия молодежи к интернет-СМИ влияет на формирование социально-политических позиций.

В процессе исследования мы заметили интересную взаимосвязь между некоторыми шкалами в методике «Социально-политических позиций» Г. Ю. Айзенка.

Корреляционный анализ

		Шкала социального доверия	Дозволенность	Расизм	Религиозность	Социализм	Либерализм	Реакционизм	Пацифизм
Шкала социального доверия	Коэффициент корреляции	1,000	,274	–,316	,037	–,220	–,404	–,573	,098
Дозволенность	Коэффициент корреляции	,274	1,000	–,564	–,154	,460	–,049	–,588	,497
	Знач. (двухсторонняя)	,443		,090	,671	,181	,892	,074	,144
	N	10	10	10	10	10	10	10	10
Расизм	Коэффициент корреляции	–,316	–,564	1,000	,369	–,560	–,204	,502	–,765**
Религиозность	Коэффициент корреляции	,037	–,154	,369	1,000	–,671*	–,723*	,548	–,468
Социализм	Коэффициент корреляции	–,220	,460	–,560	–,671*	1,000	,358	–,271	,500
Либерализм	Коэффициент корреляции	–,404	–,049	–,204	–,723*	,358	1,000	–,194	,500

		Шкала социального доверия	Дозволенность	Расизм	Религиозность	Социализм	Либерализм	Реакционизм	Пацифизм
Реакционизм	Коэффициент корреляции	-,573	-,588	,502	,548	-,271	-,194	1,000	-,311
Пацифизм	Коэффициент корреляции	,098	,497	,765**	-,468	,500	,500	-,311	1,000

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Мы можем увидеть обратную корреляцию между шкалами «расизм/антирасизм» и «пацифизм/милитаризм», а также у шкалы «религиозность/атеизм» со шкалами «социализм/капитализм» и «либерализм/антилиберализм».

Обратная корреляция указывает на увеличение первого признака при уменьшении второго или уменьшение первого признака при увеличении второго.

В случае обратной корреляции между шкалами «расизм/антирасизм» и «пацифизм/милитаризм» можно сделать вывод, что чем меньше людей, которые выступают против иммиграции представителей других рас, проповедуют расовую сегрегацию внутри своей страны, тем больше людей, которые убеждены в том, что война не имеет никаких оправданий, они отстаивают в своих взглядах политику непротivления, какой бы ни была ее цена.

Исходя из обратной корреляции между шкалами «религиозность/атеизм» и «либерализм/антилиберализм», можно сделать вывод, что чем меньше религиозных людей, тем больше людей, которые предпочитают такой порядок, когда государство регулирует и контролирует как крупный бизнес, так и многие стороны жизни обычных граждан. Такие люди делают упор на патриотизм и лояльность к государству со стороны членов общества.

Опираясь на взаимосвязь между шкалой «религиозность/атеизм» и «социализм/капитализм» можно сделать вывод, что чем больше атеистов, тем больше людей, которые выказывают свое положительное отношение к представителям рабочего класса и явную неприязнь к богатым людям.

Подведем итог эмпирической части исследования. Так как мы не увидели корреляцию между шкалой социального доверия Дж. Роттер и методикой социально-политических позиций Г. Ю. Айзенка, то можно сделать вывод, что уровень доверия молодежи к интернет-СМИ никак не влияет на формирование социально-политических позиций.

Список использованной литературы

1. Питько О.А. Аспекты создания и продвижения персонального бренда современного политика / О.А. Питько // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 11-6. — С. 1163–1165.

2. Pit'ko O. A. Psychological aspects of Internet communications / O. A. Pit'ko // Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii. — 2015. № 1 (7). — Pp. 57–59.

3. Питько О. А. Техники НЛП в рекламной деятельности / О. А. Питько // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2017. — № 4-3. — С. 581–584.

4. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. — Москва : Изд-во Института психологии РАН, 2008. — 564 с.

5. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы : учеб. пособие / Р. И. Мокшанцев. — Москва : ИНФРА-М, 2015. — 232 с.

6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — Москва : ЧеРо : Изд-во МГУ, 1997. — 344 с.

Информация об авторе

Дацюк Екатерина Денисовна — студентка, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: 0158182@bgu.ru.

Author

Datsyuk Ekaterina Denisovna — Student of the Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: 0158182@bgu.ru.

РАЗДЕЛ 6. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ И РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

УДК 159.955.4

Б. В. Кайгородов

РЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ

Аннотация. Рассматривается рефлексия в контексте управления конфликтами как деятельность и как способность: как осознание своего и «чужого» внутреннего мира, внимание к своим и «чужим» мыслям, чувствам и поведению помогает субъекту выстраивать отношения с учетом понимания себя и других людей. Анализируется понятие «рефлексивное управление конфликтами». Представлены условия, при которых человек проявляет «адекватное» поведение в конфликте. В «рефлексивном управлении конфликтами» наряду с участниками конфликта большое внимание уделяется профессионалу — третьей стороне. Акцент делается на выявлении субъективных обстоятельств конфликта. Сделан вывод о том, что интересы как субъективные обстоятельства конфликта и их удовлетворение являются основой разрешения конфликта.

Ключевые слова: рефлексия; рефлексивное управление конфликтом; объективные и субъективные обстоятельства; интересы субъектов конфликта

B. V. Kaigorodov

REFLECTION AS A WAY TO MANAGE CONFLICTS

Abstract. Reflection is considered in the context of conflict management as an activity and as an ability; as awareness of one's own and «someone else's» inner world, attention to one's own and «someone else's» thoughts, feelings and behavior helps the subject to build relationships taking into account the understanding of himself and other people. The concept of «reflexive conflict management» is analyzed. The conditions under which a person shows «adequate» behavior in a conflict are presented. In «reflexive conflict management», along with the participants in the conflict, much attention is paid to a professional — a third party. The emphasis is on identifying the subjective circumstances of the conflict. It is concluded that interests as subjective circumstances of the conflict and their satisfaction are the basis for conflict resolution.

Keywords: reflection; reflexive conflict management; objective and subjective circumstances; interests of conflict subjects

Конфликт, всегда связанный с обострением полярных точек зрения и определенной долей агрессии, имеет негативные следствия, последствия и способствует дезорганизации личности и общества. Поэтому надо минимизировать «шлейф»

конфликта. Для этого надо находить новые способы и приемы урегулирования конфликтов. Одним из таких способов может выступить рефлексия, которая может «разворачиваться» как на личностном, так и на межличностном уровнях.

Рефлексивные отношения возникают тогда, когда хотя бы один из конфликтующих субъектов осознает наличие конфликтной ситуации и пытается понять и моделировать цели, интересы, представления и ожидания свои и другого субъекта.

Рефлексию принято рассматривать как деятельность и как способность. Рефлексия представляет собой форму деятельности, которая направлена на осмысление своего мышления, собственных действий, а также мышления и действий других. Это деятельность самопознания, которая раскрывает специфику внутреннего мира человека. В. А. Лефевр рассматривает рефлексию как способность. Рефлексия — это способность встать в позицию «наблюдателя», «исследователя» или «контролера» по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям... Это также способность встать в позицию исследователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям [5]. Исследователь считает, что понятие «рефлексия» двойственно: во-первых, это способность человека постигать свой внутренний мир, во-вторых, это формально-логический автомат выбора в бинарных ситуациях. Следовательно, рефлексия участвует в выборе и принятии решения, что делает ее значимой в управлении конфликтами.

Рефлексия как осознание своего и «чужого» внутреннего мира, внимание к своим и «чужим» мыслям, чувствам и поведению помогает субъекту выстраивать отношения с учетом понимания себя и других людей. Субъекты общения, характеризующиеся как рефлексивные и стремящиеся к самосовершенствованию, обнаруживают более глубокий уровень самопонимания и понимания паттернов межличностных отношений. Следовательно, рефлексия закладывает вариативность паттернов межличностных отношений, что делает человека более гибким в общении, а это, в свою очередь, будет минимизировать конфликты в отношениях.

Рефлексия как анализ внутреннего мира основывается на внешних образцах и стандартах, которые, интериоризируясь, становятся внутренними. Если результат рефлексии соответствует стандарту, то человек «адекватен», если нет — он строит, меняет стандарт или меняет свое поведение под уже заданный стандарт. Подтверждение этому находим у В. Е. Лепского. По его мнению, рефлексия является одним из фундаментальных свойств человека, позволяющих ему быть не только адекватным, но и строить новые модели внешнего мира и организовывать собственные и коллективные действия в соответствии с ними [3, с. 181]. Например, чтобы разрешить конфликт в организации, участники конфликта инициируют «нормотворчество». «Нормотворчество», как коррекция, обновление должностных инструкций, положений о подразделениях и т. д., выступает средством «купирования» предмета конфликта.

Исследователи (В. Н. Усов, Б. И. Бирштейн, В. И. Боршевич и др.) вводят термин «рефлексивное управление» [10]. Рефлексивные процессы могут служить как провоцирующим и организующим началом конфликта, если они осно-

ваны на манипулировании, так и способствовать его прогнозированию, предупреждению и разрешению. В последнем случае можно говорить о рефлексивном управлении конфликтом.

По мнению В. Н. Усова [10], «наиболее адекватной» формой рефлексивного управления является самоуправление, но оно возможно в относительно стабильных, обычных ситуациях. Это возможно, когда одна сторона обладает культурой разрешения конфликтов и отслеживает, чтобы и другая сторона соответствовала этой культуре. В других ситуациях конфликта, особенно когда на «кону очень много» и есть, что терять, необходима, как считает В. Н. Усов, профессионально-специализированная внешняя управленческая деятельность, результатом которой является превращение критической ситуации в обычную, когда каждый участник конфликта может им управлять.

Считается, что рефлексивное управление конфликтом может быть как внутренним, так и внешним. Внутренним рефлексивным управлением является управление, когда его осуществляют сами конфликтующие субъекты (или один из них), а внешним — когда рефлексивным анализом занимается третья (нейтральная) сторона и его результаты служат основой для выбора способа решения конфликта. Третья сторона должна обладать компетенциями разрешения конфликтов и/или обладать непререкаемым авторитетом. Во внешнем и внутреннем управлении рефлексия охватывает поведение, мысли, чувства, потребности и интересы не только другого человека, но и собственные.

Рефлексивное управление конфликтом позволяет находить решение, оперируя пониманием и представлениями об объективных и субъективных обстоятельствах конфликта с двух сторон — со стороны одного участника и со стороны другого участника конфликта. Это диктует сбор данных по четырем позициям: «Я в конфликте, глазами первого участника», «Другой в конфликте, глазами первого участника», «Я в конфликте, глазами второго участника», «Другой в конфликте, глазами второго участника».

К объективным обстоятельствам можно отнести все содержательные характеристики слагаемых конфликта: предмет конфликта, конфликтная ситуация, участники конфликта (количество), поведение людей, следствия и последствия. К субъективным обстоятельствам относятся цели, интересы, позиции, мотивы участников конфликта, а также отношения между ними. Очевидно, что не существует ни одной конфликтной ситуации, которую бы один из участников конфликта воспринимал, переживал и описывал так же, как и другой.

В процессе обсуждения конфликта каждый участник «проговаривает», рефлексиирует ситуацию конфликта: описывает свои ощущения, мысли и чувства. Это как раз и является способом осознания представлений об объективных и субъективных обстоятельствах конфликта. Этот прием используется в практике разрешения конфликтных ситуаций — в конфликтологическом консультировании.

Как мы уже сказали, в «проговаривании» рефлексии подвергаются все слагаемые конфликта: предмет, конфликтная ситуация, участники, прецедент, а главное, выясняется интерес, который преследует участники конфликтной ситуации.

«Проговаривая ситуацию» вместе с участниками конфликта третья сторона получает в свое распоряжение видение конфликтной ситуации каждой стороной конфликта. Третья сторона исходит из интересов двух сторон. Этот подход хорошо представлен в исследованиях Р. Фишера, У. Ури и Б. Паттена и представителями Гарвардской школы переговоров [11].

Каждый участник конфликта «видит» конфликт своими глазами, и третье лицо, даже если ему удастся полностью сохранить нейтральность, при анализе конфликта находится под влиянием своей системы ценностей, своего жизненного и профессионального опыта, своих представлений относительно рациональности и реалистичности принимаемых сторонами решений. Поэтому задача третьего лица добиться от каждого участника конфликта понимания своих и «чужих» интересов, преследуемых в конфликте.

Понимание, поддержание и удовлетворение интересов каждого участника конфликта будет являться целью рефлексивного управления конфликтом.

Рефлексивная стратегия третьей стороны основана на естественной потребности каждого субъекта в безопасности путем предупреждения определенных опасностей, порождаемых ситуацией конфликта. Третья сторона реализует функцию создания реальной или виртуальной безопасной среды разрешения конфликта.

Самым неконструктивным приемом рефлексивного управления является передача конфликтующим сторонам готового решения конфликта. Подсказанное или навязанное решение становится решением не конкретного конфликта для реальных субъектов с их индивидуальными особенностями понимания смыслов обстоятельств конфликта и его последствий, а решением абстрактной, часто типовой, конфликтной ситуации.

Итак, рефлексия лежит в основе процессов управления конфликтами, поскольку она представляет собой осознание себя, своей деятельности и коммуникационных позиций, представлений о мире и интересах, которые преследуются в конфликте.

Рефлексивное управление конфликтом — это специфическое управление преобразованием целей, ценностей, решений, образов мышления и психологических состояний конфликтующих субъектов, способствующих фиксации, анализу и реализации интересов как результату решения конфликта. Рефлексивное управление предполагает согласование понимания причин конфликта каждым участником его разрешения. В качестве причины рассматриваются интересы.

Также надо отметить, что рефлексия способствует построению взаимоотношений, в которых минимизируется возможность конфликта. А если и возникает конфликт, то он переводится на продуктивные рельсы, которые позволяют сторонам конфликта приобрести позитивный опыт в его разрешении.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1972. — 471 с.
2. Бирштейн Б. И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах / Б. И. Бирштейн, В. И. Боршевич // Рефлексивные процессы и управление. — 2002. — Т. 2, № 1. — С. 27–44.

3. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М. С. Каган. — Москва : Политиздат, 1974. — 328 с.
4. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В. Е. Лепский. — Москва : Когито-Центр, 2010. — 255 с.
5. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры / В. А. Лефевр. — Москва : Советское радио, 1973. — 158 с.
6. Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр / В. А. Лефевр. — Москва : Когито-Центр, 2009. — 217 с.
7. Лефевр В. А. Алгебра конфликта / В. А. Лефевр, Г. П. Смолян. — Москва : Знание, 1968. — 64 с.
8. Чекушкина Е. Н. Социальная рефлексия, взаимодействие, коммуникация, идентификация — творческий диалог субъектов мысли и действия / Е. Н. Чекушкина, Е. Н. Родина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2016. — Т. 5, № 5А. — С. 95–104.
9. Чекушкина Е. Н. Социальная рефлексия и творчество: механизмы самосовершенствования / Е. Н. Чекушкина, Е. Н. Родина // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 12. — С. 16–19.
10. Усов В. Н. Рефлексивное управление: философско-методологический аспект : монография / В. Н. Усов. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2010. — 220 с.
11. Фишер Р. Переговоры без поражения. Гарвардский метод / Р. Фишер, У. Уильям. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 272 с.

Информация об авторе

Кайгородов Борис Владиславович — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация, e-mail: kai_bor@mail.ru.

Author

Kaigorodov Boris Vladislavovich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Astrakhan State University, Astrakhan, the Russian Federation, e-mail: kai_bor@mail.ru.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ВЛАСТИ И ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В современных условиях мотивационная сфера личности по сей день является дискуссионной и требует проработки. Теоретический анализ научной литературы показал, что на данный момент существует большое количество исследований на темы мотивации власти и жизненных смыслов молодежи, но недостаточно изучен вопрос их взаимосвязи. Поэтому данная проблема была выбрана для исследования, благодаря результатам которого, будет возможно расширить современные подходы к развитию мотивационной сферы молодежи: студентов, сотрудников компаний и различных социальных структур в области психологии, а также решить ряд теоретических вопросов, связанных с развитием мотивации власти и жизненных смыслов у молодежи.

Ключевые слова: власть; современная молодежь; мотив власти; ценностные ориентации; студенты; жизненные смыслы

Yu. O. Ryumkina

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE MOTIVATION OF POWER AND THE MEANING OF LIFE OF MODERN YOUTH

Abstract. In modern conditions, the motivational sphere of the individual is still debatable and needs to be worked out. A theoretical analysis of scientific literature has shown that at the moment there are a large number of studies on the motivation of power and the life meanings of young people, but the issue of their relationship has not been sufficiently studied. Therefore, this problem was chosen for research, thanks to the results of which it will be possible to expand modern approaches to the development of the motivational sphere of young people: students, employees of companies and various social structures in the field of psychology, as well as to solve a number of theoretical issues related to the development of the motivation of power and life meanings of young people.

Keywords: power; modern youth; power motive; value orientations; students; life meanings

Чаще всего понятие «власть» воспринимается обществом негативно, так как у многих возникают ассоциации с насилием, обманом или, например, с популярными высказываниями: «власть развращает, портит людей». Люди, стремящиеся к власти, не боятся ответственности, однако им также свойственно идти к намеченной цели, не взирая на преграды и мнения других людей, а порой и отказываясь от личной жизни.

В действительности у феномена мотивации власти существует и положительная сторона, заключающаяся в существовании стремления к властным позициям в социуме, которыми наделены сотрудники компаний, предприниматели,

известные ученые и деятели иных сфер, у которых имеется авторитет в обществе, сила убеждения, лидерские качества, целеустремленность и ответственность, чтобы вести за собой людей ради благих целей.

Люди, наделенные повышенной мотивацией власти и вкладывающие положительные намерения в нее, нужны обществу для свершения прорывов в различных сферах. Хотя, конечно, есть люди, для которых наличие власти не имеет никакого существенного значения и, соответственно, мотивации заполучить ее тоже нет.

Пожалуй, каждый человек хоть раз задается вопросом о смысле жизни, особенно актуальным это становится в молодежном возрасте, так как именно в этот период вырабатывается фундамент, на основе которого формируется мотивационная структура личности.

Мотивационная структура и ее компоненты зависят от жизненных смыслов личности, выражающиеся в динамическом образовании, в структуре иерархии ценностей, которая на протяжении жизнедеятельности видоизменяется под влиянием развития личности (смысложизненных кризисов), внешних факторов, перерабатываемых внутренними особенностями индивида. Также на это влияет процесс эволюции общества в целом, которое наделено различными событиями, оказывающие огромное влияние на умы людей.

В исследованиях отмечается, что мотивация целенаправленной деятельности исходит не от абстрактных социальных ценностей, а от личностных ценностей индивидов, и, «лишь приняв форму личностной ценности, ценностный идеал может найти путь к предметному воплощению» [5, с. 23]. Таким образом, психологическое изучение ценностей основано на понимании их как индивидуальных ценностей, мотивационно-смысловых структур личности, близких к идеалам, убеждениям, установкам, мотивам, потребностям [7].

Мотивация власти — одна из самых главных движущих сил человеческих действий. Мотивация власти — это совокупность стремлений человека получить влияние на индивидуумов или группы людей с помощью средств власти [6].

Многообразие трактовок понятия власти и его расплывчатость вызвали у некоторых исследователей сомнение в его научной ценности. Они посчитали данное понятие трудно поддающимся четкому определению и оставляющим слишком мало надежд на успешную разработку. Однако понятие власти настолько прочно вошло в категориальный аппарат современной науки, в том числе и психологической, что в случае отказа от его использования проблемы неизбежно переключаются на другие понятия, близкие к нему по смыслу (например, «влияние», «контроль») [1].

Желание доминировать присуще всем. Методы реализации этой потребности различны и зависят от специфики развития и условий жизни личности, а также от наличия или отсутствия психических отклонений. Стремление к власти может рассматриваться как способ самовыражения, обретения независимости, компенсации недостатков, самоутверждения, получения доступа к ресурсам [4].

Эмпирическое исследование, посвященное изучению взаимосвязи потребности во властвовании и системы жизненных смыслов у современной молодежи, было реализовано в течение 2021–2022 гг.

Генеральная совокупность представлена молодежью, т. е. лицами в возрасте от 18 до 35 лет: такой возрастной период соответствует периоду зрелости молодежи, по мнению психолога, Б. Г. Ананьева. Именно этот интервал, по мнению этого исследователя, является возрастными границами молодежи [8].

Молодежь как социально-психологический феномен характеризуется возрастной периодизацией. Авторы, изучающие молодость, выделяют разные промежутки развития человека. Является значительной социально-демографической группой, поэтому все изменения в развитии человечества переживаются и преобразовываются данной группой людей. Поэтому для исследования нами была выбрана именно эта социально-демографическая группа.

Всего в исследовании приняло участие 51 испытуемый в возрасте от 18 до 35 лет, среди которых все молодые люди — молодежь г. Иркутска.

Для проведения исследования были выбраны две методики.

1. Первая методика, «Исследование системы жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова [3], позволяет определить содержание системы ценностных ориентаций и последовательность представленности их в системе жизненных смыслов испытуемого. Респонденту предлагается список из 24 утверждений. Это перечень жизненных смыслов, на которые могут ориентироваться люди в своей жизни.

2. Вторая методика — тест-опросник «Мотив власти» Е. П. Ильина [2].

Сущность этой методики заключается в определении способности человека проявлять свою волю вопреки сопротивлению других людей. Она состоит из девяти вопросов с вариантами ответов, нужно выбрать только один.

По методике «Мотив власти» Е. П. Ильина было выявлено, что у испытуемых довольно слабо выражена мотивация власти, так как среднее значение менее 15 баллов, что является границей средне выраженного мотива власти.

Из опрошенных 61 % респондентов (31 чел.) имеет в результате слабо выраженную мотивацию власти и, соответственно, у таких людей нет стремления вечного контроля.

Наиболее частый результат как у мужчин, так и у женщин, прошедших опрос, составляет 13 баллов — слабое стремление к власти. Если быть конкретнее, такие результаты у 8 мужчин (36 % от общего числа мужчин) и у 8 женщин (28 % от общего числа женщин). Соответственно, 16 чел., прошедших тестирование по данной методике, имеют результат в 13 баллов, от всего списка респондентов это составляет 31 %.

Остальные 19 опрошенных (37 %) набрали до 25 баллов, кроме одного, у которого в сумме оказалось 26 баллов, что является показателем сильно выраженной мотивации власти, вечного контроля, целеустремленности и способности справляться с ответственностью. У респондентов со средними значениями проявления мотива власти показатели были около нижней границы уровня (не более 19 баллов). Поэтому в данном случае можно сказать о низком стремлении к контролю своего окружающего мира, событий и людей. При этом людям со средним уровнем мотивации власти присуще проявление «мягких» волевых качеств.

По методике «Системы жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова были получены такие результаты:

- у группы женщин наименее выражены такие жизненные смыслы, как семейные и статусные;

- у группы женщин преобладают такие жизненные смыслы, как гедонистические, и категория смыслов жизни самореализации, которые являются ведущими у 41 % опрошенных;

- у мужчин наименее выражена категория альтруистических жизненных смыслов, лишь только у одного испытуемого данная категория является ведущим смыслом жизни;

- наиболее выраженными категориями у мужчин были выявлены коммуникативные и экзистенциальные, и 54 % опрошенных относят их для себя к главным категориям жизненных смыслов.

Таким образом, корреляционный анализ полученных результатов показал существование связи между категорией коммуникативных смыслов жизни человека и мотивации власти.

Обратная связь при корреляционном анализе наблюдается между следующими показателями:

- категорией альтруистических смыслов жизни человека и мотивацией власти;

- категорией смыслов самореализации жизни человека и мотивацией власти.

Исследование взаимосвязи мотива власти и жизненных смыслов современной молодежи показало, что данная социально-демографическая группа находится в непонимании, в каком ей направлении двигаться, поэтому так мало ведущих показателей выявил анализ, и почти все находятся на нейтральном уровне, а мотив власти так вообще указывает на слабовыраженные волевые качества. Молодежь как бы «потеряна» и не знает, как себе помочь определиться и понять, как формировать правильно свои смысло-жизненные ориентации и какой у них должен быть фундамент.

При этом молодым людям не хватает волевых качеств, чтобы порой просто начать попробовать заниматься чем-либо, поделиться с близкими и родными. Что может быть обусловлено тем, что в головах у многих сидит очень много сомнений, навязанных обществом (родители, семья, друзья), которое окружает молодого человека. Страхи, которые тянутся из поколения в поколение, формируя устойчивые установки, которые впоследствии тяжело будет поменять, но это вполне возможно. При выходе на самостоятельный путь ничего не меняется, а скорее усугубляется, потому что молодежь выбирают не ту работу, которая бы искренне нравилась, не то направление в университете, на котором бы хотелось учиться ему самому, а не его родственникам. Поэтому так важно психологически помогать людям, находящимся в данном возрастном периоде.

В психопросветительской и консультативной работе с молодежью, а также с педагогами важно добиться осознания ими своих доминирующих ценностей и смысло-жизненных ориентаций, их связи со своими социальными установками и

реальным поведением; стремиться к пониманию ими роли мотивационно-смысловых структур личности в успешности деятельности и поведения [8].

Список использованной литературы

1. Грошев И. В. Власть: проблемы понимания и интерпретации структурно-гендерных конструктов и социально-психологических импликаций / И. В. Грошев // Акмеология. — 2004. — № 2(10). — С. 88–97.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы : учеб. пособие / Е. П. Ильин // Санкт-Петербург : Питер, 2000. — 512 с.
3. Котляков В. Ю. Методика исследования жизненных смыслов / В. Ю. Котляков // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. / Кемеровский государственный университет. — Кемерово : Авторское изд-во Кузбассвузиздат, 2004. — С. 18–21.
4. Кулиева К. А. Психологический анализ феномена власти / К. А. Кулиева // Актуальные вопросы психологии. — 2016. — № 12. — С. 4.
- Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья первая) / Д. А. Леонтьев // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. — 1996. — № 4.
5. Меджидова К. О. Место мотивации власти в мотивационной системе личности / К. О. Меджидова // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 1 (13). — С. 167–170.
6. Сайбулаева Д. Г. Система ценностей педагогов: коллективизм против индивидуализма и мотива власти / Д. Г. Сайбулаева, П. Ш. Магомедов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2007. — № 3. — С. 78–84.
7. Фонталова Н. С. Взаимосвязь потребности во властвовании и системы жизненных смыслов у современной молодежи / Н. С. Фонталова, Ю. О. Рюмкина // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 12, № 3. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=24623> (дата обращения: 10.10.2022).

Информация об авторе

Рюмкина Юлия Олеговна — психолог, психологическая служба, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: utamail.ru@yandex.ru.

Author

Ryumkina Yulia Olegovna — Psychologist, Psychological Service, Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: utamail.ru@yandex.ru.